

ДАНИЭЛА СТИЛ

Так ли просто забыть прошлую жизнь,
когда все вокруг напоминает о ней?

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ
В ЖИЗНИ

Даниэла Стил

Лучший день в жизни

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Лучший день в жизни / Д. Стил — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-04-090982-7

Коко Баррингтон – белая ворона в своей влиятельной и богатой семье. Ее мать, знаменитая писательница, выпускает бестселлер за бестселлером, а старшая сестра – успешный голливудский продюсер. А вот у самой Коко нет ни образования, ни приличной работы, ни каких-либо планов на будущее. К тому же девушку угораздило влюбиться в знаменитого актера Лесли Бакстера – мечту миллионов поклонниц. Именно это внезапное чувство станет поворотным событием в жизни Коко и заставит ее посмотреть на мир другими глазами.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-090982-7

© Стил Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Даниэла Стил

Лучший день в жизни

Моим любимым детям Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре – надежде, любви и радости моей жизни! Со всем теплом и любовью
– мама, Д. С.

Что бы ни случилось ранее и в будущем, я по-прежнему верю в любовь, какие бы обычные, нетрадиционные, заурядные или невероятные формы она ни принимала. Никогда не теряйте надежды.
Д. С.

© Сапцина У., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Нарождающийся июньский день был изумителен, солнце вставало над городом, а Коко Баррингтон любовалась восходом с террасы своего дома в Болинасе. Глядя на протянувшиеся по небу розовые и оранжевые полосы и пригубивая дымящийся китайский чай, она раскинулась в выцветшем колченогом шезлонге, купленном на «гаражной» распродаже. Эту сцену безмятежно созерцала древняя с виду деревянная статуэтка Гуаньинь, богини милосердия, – давний и бесценный дар. Под благосклонным взглядом Гуаньинь миловидная молодая женщина купалась в золотистом рассветном сиянии, и ее длинные рыжевато-каштановые волосы, мягкими волнами ниспадающие почти до талии, отливали жаркой медью в лучах летнего солнца. Коко сидела босиком, в старой ночной рубашке – фланелевой, застиранной, с узором поблекших сердечек. Дом на плато Болинас, обращенный к океану и узкой полоске пляжа, был предельно мечтаний Коко. Здесь она прожила четыре года. Для ее двадцати восьми лет идеально подходили и этот дом, и крошечный прибрежный поселок менее чем в часе езды на север от Сан-Франциско.

Назвать ее жилье домом можно было лишь с натяжкой: оно представляло собой скорее дачную постройку, которую мать и сестра Коко именовали сараем, а в минуты снисходительности – лачугой. Обе никак не могли уразуметь, с чего вдруг Коко вздумалось поселиться здесь, не говоря уже о том, как она вообще продержалась так долго. Сбылись худшие опасения обеих: подобного поступка они не ожидали даже от Коко. Мать испробовала лесть, оскорбления, язвительные уколы и наконец решилась на подкуп, лишь бы вернуть дочь в «лоно цивилизации», как она называла Лос-Анджелес. Но в образе жизни матери и в своем детстве Коко не находила ничего цивилизованного. Люди, их жизнь, устремления, дома, приметы косметических операций на лицах почти каждой встречной – все это казалось Коко фальшивым. А ее собственная жизнь в Болинасе была простой и настоящей, искренней и бесхитростной, совсем как сама Коко. Она ненавидела подделки. Впрочем, лоск ее матери не был поддельным: она и вправду тщательно следила за собой. Преуспевающая романистка, автор бестселлеров, она не обманывала читателей, просто ее романам недоставало глубины, несмотря на их успех. Мать выбрала в качестве псевдонима девичью фамилию и имя своей матери – Флоренс Флауэрс; шумным успехом она буквально упивалась. Ей уже минуло шестьдесят два года, и жизнь ее напоминала волшебную сказку, пока ее муж, отец Коко, Бернард Баррингтон, или просто Базз, самый влиятельный литературный и театральный агент Лос-Анджелеса, не скончался четыре года назад. Он был шестнадцатью годами старше жены, однако еще оставался крепким. Но внезапно умер от инсульта. В своем деле он обладал внушительным авторитетом, свою жену опекал и баловал, как ребенка, все тридцать шесть лет супружеской жизни. Это он способствовал писательской карьере жены и умело руководил ею. Коко часто гадала, сумела бы ее мать подняться так высоко без помощи отца или нет. Подобным вопросом мать никогда не задавалась и ни на минуту не сомневалась в достоинствах своих книг и в собственных мнениях по любым житейским поводам. Она не скрывала свое разочарование в дочери и не стеснялась называть Коко недоучкой, хиппи и неудачницей.

Преуспевшая в жизни сестра Джейн оценивала достижения Коко более сдержанно, но отнюдь не снисходительно: по ее мнению, Коко страдала «патологической склонностью довольствоваться малым». Джейн твердила, что в отличие от младшей сестры сама никогда не упускала шанса добиться успеха. С не меньшей настойчивостью она напоминала Коко, что выбрать верный курс еще не поздно, но если та и впредь намерена вести жалкое существование пляжной бездельницы в лачуге посреди Болинаса, ни на какие подарки судьбы пусть не рассчитывает.

Но Коко ее собственная жизнь вовсе не казалась чередой неприятностей. Она неплохо зарабатывала на жизнь, производила благопристойное впечатление, не пристрастилась к наркотикам, да и вообще их не употребляла, если не считать нескольких косячков в дружеском кругу еще в колледже, а среди ее ровесников такая воздержанность встречалась нечасто. Коко не стала обузой для родных, ее ниоткуда не выселяли и не выгоняли, она не заводила случайных и беспорядочных связей, не беременела неизвестно от кого и не попадала за решетку. Образ жизни старшей сестры она не критиковала и не собиралась этого делать; она никогда не говорила матери о ее смешной и нелепой манере одеваться; не отпускала замечаний о пластическом хирурге, который явно перестарался, делая последнюю подтяжку. Коко просто хотелось быть самой собой и жить так, как она считала нужным. «Шикарный», свойственный респектабельному Бель-Эйру образ жизни матери и сестры вызывал у нее чувство неловкости, она терпеть не могла, когда на нее обращали внимание как на дочь двух знаменитостей, а с недавних пор как на младшую сестру еще одной известной личности. Все это ей ни к чему, ей вполне хватит своей жизни. Период ожесточенных баталий с родней начался после того, как Коко с отличием окончила Принстон, на следующий год поступила в Стэнфордскую школу права и была отчислена со второго курса, с тех пор прошло три года.

Коко пообещала отцу, что попробует изучить право, а он заверил, что у него в агентстве для дочери всегда найдется место. И добавил, что успешному агенту диплом юриста лишь на пользу. Вот только быть юристом ей совсем не хотелось, а тем более работать вместе с отцом. Ее ничуть не прельщала возможность быть представителем популярных писателей, сценаристов или известных скандальными выходками кинозвезд, которые были страстью ее отца, его куском хлеба с маслом и единственным увлечением в жизни. За годы детства Коко у них в доме перебивали все знаменитости Голливуда. Она не представляла себе, как можно, по примеру отца, провести среди этих людей всю жизнь. Втайне она считала, что почти пятьдесят лет каторжного труда среди избалованных, взбалмошных, невыносимо капризных людей и убили ее отца. Такая работа для Коко была бы равносильна смертному приговору.

Отец умер, когда Коко училась на первом курсе школы права, она продержалась еще год, а потом все-таки вылетела. По этому поводу мать несколько месяцев устраивала скандалы, до сих пор продолжала попрекать дочь и твердить, что в Болинесе она живет точно бродяжка. В пресловутой лачуге мать побывала лишь однажды, но с тех пор не переставала возмущаться. Коко решила остаться в окрестностях Сан-Франциско после того, как ее отчислили из Стэнфорда, – северная Калифорния пришлась ей по душе. Джейн переселилась сюда же тремя годами раньше, но часто ездила в Лос-Анджелес по делам. Несмотря на эти частые визиты, мать по-прежнему сокрушалась, что обе дочери предпочли север и бросили Лос-Анджелес. Коко редко навещалась в родительский дом.

Джейн исполнилось тридцать девять. К тридцати годам она уже была одним из самых известных продюсеров Голливуда. По карьерной лестнице она взобралась на головокружительную высоту и могла похвалиться одиннадцатью картинками, сделавшими рекордные кассовые сборы. На фоне колоссальных успехов Джейн младшая сестра смотрелась еще бледнее. Мать не уставала твердить Коко, как отец гордился Джейн, и тут же разражалась слезами, вспомнив о пропащей жизни младшей дочери. Слезы были ее испытанным оружием, с их помощью мать могла добиться от мужа чего угодно. Базз во всем потакал жене и обожал дочерей. Временами Коко казалось, что она могла бы растолковать отцу, почему живет так, а не иначе, что движет ею, но в глубине души она знала, что никогда не начнет этот разговор. Отец не понял бы ее, как не понимали мать и сестра, а нынешняя жизнь Коко попросту озадачила и расстроила бы его. Когда Коко поступила в Стэнфордскую школу права, он ликовал и надеялся, что учеба положит конец ее чрезмерной увлеченности либеральными идеями. Он считал, что в доброте и заботе о планете и ближнем нет ничего плохого, главное – во всем знать меру. Учась в кол-

ледже, Коко, по мнению отца, слишком поддавалась благим порывам, но он уверял мать, что учеба в школе права все расставит по местам. Его надежды не сбылись – Коко отчислили.

Отцовского наследства с избытком хватило бы на жизнь, но Коко даже не прикасалась к этим деньгам, предпочитая тратить только то, что заработала сама, и вдобавок отдавала часть средств в фонды, деятельность которых одобряла и поддерживала, преимущественно экологические, занимающиеся охраной природы, или помогающие нуждающимся детям в странах третьего мира. Сестра Джейн называла ее жалельщицей. И у матери, и у Джейн всегда находились тысячи самых нелестных прозвищ для Коко, и каждое больно ранило ее. Однако жалельщицей Коко признавала себя охотно, потому и дорожила статуэткой Гуаньинь. Богиня милосердия будила самые чувствительные струны ее души. Она была безупречно цельной натурой, ее великодушное сердце непрестанно дарило доброту и тепло тем, кто в них нуждался, и Коко не видела в этом ничего дурного или предосудительного.

Джейн стала возмутительницей семейного спокойствия в подростковом возрасте. В семнадцать она объявила родителям о своей нетрадиционной ориентации. Коко, которой в то время не было и шести лет, даже не подозревала о вспыхнувшем конфликте. В открытую заявив о лесбийских наклонностях в выпускном классе школы, после поступления в Калифорнийский университет Джейн стала воинствующей защитницей прав лесбиянок и попутно изучала киноискусство. На просьбу матери появиться в свете на балу дебютанток Джейн ответила категорическим отказом и добавила, что лучше умереть, чем разбить родительнице сердце. Но, несмотря на нестандартные предпочтения в сексе и подростковую агрессивность, Джейн ставила перед собой те же материальные цели, что и ее родители. Отец все же простил заблудшую дочь, обнаружив, что она держит курс на славу. Джейн добилась своего, и все конфликты с родителями были забыты. Последние десять лет она жила с талантливой сценаристкой – милой, тихой и пользующейся заслуженной известностью. Обе переселились в Сан-Франциско, поближе к большому гомосексуальному сообществу. Фильмы этих женщин смотрел весь мир, их знали и любили. Джейн уже четыре раза номинировали на «Оскар», но пока ни разу не наградили. Мать прекрасно ладила с Джейн и Элизабет на протяжении всего десятилетия их совместной жизни. Разлад в семью вносила только Коко – заставляла всех изводиться от беспокойства за нее, раздражала своим абсурдным выбором, жалким существованием хиппи, пренебрежением ко всему, чем так дорожили ее родители, и этим доводила мать до слез.

В конце концов всю тяжесть вины родные Коко возложили на мужчину, с которым она жила, когда ее отчислили из школы права, приписали ее вздорные идеи его влиянию и напрочь забыли, сколько лет она находилась под влиянием только своей семьи. Отношения Коко с этим человеком продолжались в годы ее учебы в Стэнфорде, он сам ушел из школы права, так и не получив диплома. Йен Уайт был полной противоположностью всему, о чем мечтали для дочери родные. Умный, не лишенный способностей, образованный, он тоже, как указывала Джейн, предпочитал довольствоваться малым. Окончив учебу в Австралии, Йен перебрался в Сан-Франциско и открыл школу дайвинга и серфинга. Веселый, ласковый, покладистый, любящий шутку, он был идеальным партнером для Коко. При всех достоинствах ему не доставало лоска, стремление к независимости побуждало его жить своим умом, и Коко при первой же встрече поняла, что нашла родственную душу. Через два месяца они поселились вместе. К тому моменту Коко исполнилось двадцать четыре. Спустя два года Йена не стало. Проведенное с ним время Коко считала лучшим в своей жизни и жалела лишь о том, что им досталось всего два года. Йен погиб во время полета на дельтаплане: резкий порыв ветра швырнул его на скалы, он разбился насмерть. Все было кончено в один миг, Йен унес с собой их мечты и надежды. Коко осталась купленная вдвоем «лачуга» в Болинесе, где по-прежнему хранились гидрокостюмы и дайверское снаряжение Йена. Первый год после его смерти дался Коко особенно тяжело; поначалу мать и сестра сочувствовали ей, но вскоре их запасы сострадания иссякли. Если Йена уже не вернуть, рассуждали они, ничего не поделаешь: Коко пора спра-

виться с горем, взяться за ум, наконец-то повзрослеть. И она справилась, но совсем не так, как рассчитывали родные. Такой обиды они не стерпели.

Коко и сама понимала: хватит жить воспоминаниями об Йене, пора идти дальше. За последний год она заводила несколько знакомств, но не встретила никого хотя бы отдаленно похожего на Йена. Мужчины, в которых было бы столько же энергии, жизни, тепла и обаяния, ей не попадались. Выдержать сравнение с Йеном было непросто, но Коко надеялась, что когда-нибудь найдется человек, на котором она остановит выбор. Вероятно, время еще не пришло. Даже Йену не понравилось бы, что она чахнет в одиночестве. Но и торопиться незачем. В Болинасе она с радостью встречала каждый новый день. Строить карьеру Коко не собиралась, не нуждалась в славе и в отличие от родни не пыталась самоутвердиться. Роскошный особняк в Бель-Эйр ей ни к чему. Хватит и того, что было у них с Йеном, – чудесных дней, счастливых минут, ночей любви, о которых она будет помнить вечно. Но ей незачем знать, что откроется за следующим поворотом и с кем она пройдет по этому пути. Каждый новый день – сам по себе подарок. Жизнь с Йеном была идеалом, ни о чем другом она и не мечтала, но за два года, прошедшие после его смерти, Коко научилась находить вкус в одиночестве. По Йену она по-прежнему тосковала, хотя в конце концов смирилась с его уходом. Выйти замуж, обзавестись детьми или хотя бы встретить другого мужчину – все это не привлекало. В свои двадцать восемь Коко вполне устраивало безмятежное существование в Болинасе.

Поначалу местный уклад удивлял и Коко, и Йена. Поселок оказался маленьким и занятым. С давних пор здешние жители решили, что он не должен привлекать к себе внимание. Пусть он даже остается в буквальном смысле слова невидимым, подобно Бригадуну¹. На ближайшем участке шоссе не было ни одного указателя, подсказывающего, как проехать к Болинасу, или хотя бы подтверждающего, что он неподалеку. Искать поселок приходилось наугад. Те, кто все-таки находил его, будто проваливались в другое время, и Коко с Йеном часто посмеивались над этим ощущением, но любили его. В шестидесятые годы в Болинас отовсюду съезжались хиппи и прочие «дети цветов», многие из них жили здесь и по сей день, только постарели, поседели и обзавелись морщинами. К пляжу направлялись мужчины лет пятидесяти, а то и шестидесяти, с досками для серфинга под мышкой. Магазины и подобные им заведения в поселке можно было пересчитать по пальцам: магазин одежды, где до сих пор торговали цветастыми гавайскими платьями-муму и всевозможными вещами, выкрашенными способом узелкового батика; соседний ресторан, переполненный сидящими престарелыми серферами; продуктовый, где продавали преимущественно экологически чистую еду и, наконец, лавка с товаром для курильщиков марихуаны – трубками и прочими принадлежностями всех цветов, форм и размеров. Поселок занимал плато над узким пляжем, отделенное бухтой от обширного и протяженного Стинсон-Бич и дорогих вилл на нем. Несколько красивых особняков насчитывалось и в Болинасе, но большей частью здесь селились в простых домах целые семьи, недоучившиеся студенты, серферы преклонных лет и все, кто по каким-либо причинам предпочел расстаться с прежней жизнью и исчезнуть. Это сообщество было по-своему элитарным и представляло собой полную противоположность и той обстановке, в которой выросла Коко, и той, из которой удрал Йен, чья семья принадлежала к влиятельным кругам Сиднея в Австралии. Их отношение к местному обществу полностью совпадало. Йена уже не было на свете, а Коко по-прежнему жила в Болинасе и в ближайшее время покидать его не собиралась: в сущности, она могла бы провести здесь остаток жизни, что бы там ни твердили мать и сестра. Психотерапевт, к которому она обратилась после смерти Йена и которого время от времени посещала до сих пор, объяснял, что у нее, несмотря на недавно исполнившиеся двадцать восемь лет, все еще продолжается подростковый бунт. Может, и так, но, с точки зрения Коко, этот бунт пошел ей

¹ Бригадун – по одноименному мюзиклу и фильму, шотландская деревня, появляющаяся всего на один день каждые сто лет. – *Здесь и далее примеч. пер.*

лишь на пользу. И жизнь, и место жительства, которые она выбрала себе сама, доставляли ей радость. Одно Коко знала наверняка: она никогда и ни за что не вернется в Лос-Анджелес.

Солнце поднялось высоко в небо. Коко направилась в дом за следующей чашкой чаю и на пороге встретила сонно бредущей собакой Йена, австралийской овчаркой Салли, только что спрыгнувшей с хозяйской кровати. Поприветствовав Коко слабым взмахом хвоста, собака отправилась на неизменную одинокую прогулку по пляжу. Салли тщательно оберегала свою независимость и помогала Коко в работе. Йен рассказывал, что австралийские овчарки – прекрасные спасатели и прирожденные пастухи. В любой ситуации Салли поступала, как ей заблагорассудится, несмотря на свою привязанность к Коко. Хозяин безукоризненно выдрессировал ее и научил понимать голосовые команды.

Собака удалилась, а Коко налила себе еще чаю и взглянула на часы. Восьмой час, пора принять душ и отправиться на работу. Хорошо бы очутиться у моста «Золотые Ворота» к восьми, а к месту первой остановки прибыть в половине девятого. Коко никогда не опаздывала, клиенты могли твердо рассчитывать на ее пунктуальность. Представления о том, что успех неразрывно связан с упорным трудом, ей пригодились. Ее мелкий бизнес кому-то мог показаться смешным, но, как ни странно, приносил неплохой доход. Услуги Коко стали пользоваться большим спросом уже в первые три года, с тех пор как Йен помог ей начать работать на себя. За два года, прошедшие после смерти Йена, бизнес невероятно разросся, несмотря на все старания Коко ограничивать число клиентов и не брать больше работы, чем она в состоянии выполнить. Ей нравилось ежедневно возвращаться домой к четырем часам дня и до наступления сумерек еще успевать прогуляться с Салли по берегу.

Ближайшими соседями Коко были ароматерапевт и специалист по акупунктуре, работавшие в городе. Мастер акупунктуры был женат на учительнице местной школы, ароматерапевт жил с пожарным, служившим в пожарной части Стинсон-Бич. Все они были приличными, приветливыми, трудолюбивыми людьми, никогда не отказывающими друг другу в помощи. После смерти Йена соседи окружили Коко заботой и сочувствием. С одним из знакомых учительницы она даже встречалась пару раз, но их отношения так и остались чисто дружескими. Соседей часто навещали друзья, чему Коко была только рада. Как и следовало ожидать, для ее родных все они были никчемными хиппи. Мать Коко называла их тунеядцами, хотя никто из них не сидел без дела. Но и одиночество ничуть не тяготило Коко: большую часть времени она проводила одна.

В половине восьмого, после горячего душа, Коко направилась к своему старенькому фургону. Йен разыскал его на стоянке в Инвернесе, каждый день фургон исправно возил хозяйку в город. Побитый, невзрачный, он полностью устраивал Коко, несмотря на сотню тысяч миль пробега: работал словно часы, хоть и казался страшным, как смертный грех. Почти вся краска давно облупилась, а в остальном машина была еще хоть куда. На мотоцикле Йена они по выходным ездили кататься на холмы, если не выходили в море на его катере. Йен обучил Коко премудростям дайвинга. К мотоциклу она не прикасалась с тех пор, как не стало Йена: мощная машина так и стояла без дела в гараже за домом. Заставить себя расстаться с ней Коко не могла, хотя катер продала, а школу дайвинга закрыла, все равно в ней было некому преподавать. Самой Коко для этого не хватало опыта, к тому же собственный бизнес требовал сил и времени.

Коко открыла заднюю дверцу фургона, и Салли с радостным лаем запрыгнула внутрь. Пробежка по берегу взбодрила собаку, она была готова к работе, как и ее хозяйка. Коко улыбнулась большущей и добродушной черно-белой овчарке. Тем, кто не подозревал о существовании такой породы, Салли казалась обычной дворняжкой, но чистоту ее кровей подтверждали серьезные голубые глаза. Коко захлопнула дверцу, села за руль и помахала на прощание соседу-пожарному, который как раз возвращался с дежурства. Здесь, в тихом и сонном поселке, никто не удосуживался запираť двери даже на ночь.

Коко вела машину по извилистому шоссе, вдоль утесов на берегу океана, направляясь в город, раскинувшийся впереди и озаренный утренним солнцем. День обещал быть чудесным, тем лучше для нее, проще будет работать. Как и планировала Коко, к мосту она подкатила в восемь. Получается, и к первому клиенту она не опоздает, хотя особого значения это не имеет. Опоздание ей наверняка простили бы, однако она никогда и никого не заставляла ждать. Родные не правы: она вовсе не чудачка и не сумасбродка, просто не такая, как они.

Свернув к району Пасифик-Хайтс, Коко направилась на юг по круто поднимающейся вверх улице Дивисадеро. Уже наверху, у пересечения с Бродвеем, ее мобильник ожил. Звонила Джейн.

– Ты где? – выпалила она. По телефону Джейн всегда говорила таким тоном, словно речь шла о чрезвычайном положении национального масштаба, а ее дом только что подвергся атаке террористов. Она жила в вечном состоянии стресса, неизбежном для ее профессии и полностью соответствующем свойствам ее натуры. Ее партнерша Элизабет была гораздо уравновешеннее, рядом с ней и Джейн слегка успокаивалась. Коко очень любила Лиз. Сорокатрехлетняя Лиз, яркая личность, столь же одаренная, как и Джейн, казалась более сдержанной. Она с отличием окончила Гарвард и получила диплом магистра английской литературы, а прежде чем стать голливудской сценаристкой, написала прошедший незамеченным, но любопытный роман. С тех пор она успела многое написать и удостоилась двух «Оскаров». С Джейн она познакомилась десять лет назад, во время работы над одним из фильмов, и с тех пор они не расставались. Их связывали прочные отношения, этот союз оказался полезным обоим. Лиз и Джейн рассчитывали быть вместе до конца своих дней.

– Я на Дивисадеро, а что? – устало отозвалась Коко.

Тон, которым Джейн задала вопрос, был ненавистен Коко с детства: еще ребенком ее сестра считалась только со своими желаниями. В таком ключе и развивались отношения между сестрами. Коко всю жизнь была для Джейн девочкой на побегушках, а повзрослев, потратила уйму времени, обсуждая страницы своей биографии с психологом; эти беседы возобновлялись до сих пор. Преодолеть последствия детских травм оказалось непросто, несмотря на все попытки. Салли, устроившаяся на соседнем пассажирском сиденье, с любопытством вглядывалась в лицо Коко, словно почувствовала ее состояние, и гадала о причинах.

– Отлично. Ты нужна мне прямо сейчас, – заявила Джейн с облегчением, в котором сквозило беспокойство. Коко знала, что ее сестра вскоре собирается в Нью-Йорк на натурные съемки фильма, который они продюсировали вместе с Лиз.

– Нужна? Зачем?

Уловив настороженность в голосе Коко, собака склонила голову набок.

– Меня кинули. Женщина, которую я наняла приглядывать за домом, только что расторгла договор. А мне через час выезжать! – в отчаянии воскликнула Джейн.

– Я думала, вы уезжаете не раньше следующей недели.

Подозрения Коко усиливались. Она как раз проезжала по Бродвею, на расстоянии нескольких кварталов от роскошного особняка Джейн, обращенного фасадом к заливу. Район, где он стоял, прозвали Золотым берегом – количество внушительных, больше похожих на дворцы домов поражало воображение. Никто не стал бы отрицать, что Джейн здесь принадлежит один из самых эффектных особняков, впрочем, он был не во вкусе Коко, как ее болинас-ская лачуга не во вкусе Джейн. Сестры будто родились на разных планетах.

– У нас на натуре забастовка, бунтуют звукачи. Лиз улетела вчера ночью. Мне тоже сегодня же надо быть там, встретиться с профсоюзом, а с Джеком остаться некому. У экономки умерла мать, сколько сама она проторчит в Сиэтле с больным отцом, неизвестно. Она только что позвонила мне, вывалила все разом, а у меня через два часа самолет!

Коко слушала и хмурилась. Ей совсем не хотелось увязывать слова сестры в единое целое, проследивать в них логику. Коко уже доводилось быть на подхвате, восполнять про-

белы там, где у сестры не сходились концы с концами. Поскольку Джейн была убеждена, что личной жизни у Коко нет, то всегда ждала, что сестра придет на выручку, закроет собой брешь. А Коко не могла отказать сестре, которую с малых лет побаивалась. Зато Джейн говорила «нет» не моргнув глазом и кому угодно, чем отчасти и объяснялся ее успех. В лексиконе же Коко это слово упорно не приживалось, а Джейн, прекрасно зная об этом, пользовалась слабостью сестры при каждом удобном случае.

– Если хочешь, я могу приезжать и выгуливать Джека... – нерешительно предложила Коко.

Ты же знаешь, так не пойдет, – с досадой перебила ее Джейн. – Когда дома никого нет, по вечерам он тоскует, целыми ночами воет и бесит соседей. И потом, должен же кто-то присматривать за домом.

Пес Джейн был здоровенным, размерами чуть ли не с болинасский дом, но Коко не отказывалась приютить его, если понадобится.

– Хочешь, чтобы он пожил у меня, пока ты не подыщешь замену экономке?

– Нет! – отрезала Джейн. – Мне надо, чтобы ты пожила у меня.

Эти слова – «мне надо, чтобы ты...» – Коко слышала за свою жизнь миллион раз, не меньше. Не «пожалуйста, сделай одолжение», «не могла бы ты», «ты не против», «очень тебя прошу», а «мне надо», и точка. Черт! Еще одна возможность в кои-то веки сказать «нет». Коко открыла рот и не издала ни звука. Мельком взглянув на Салли, она заметила, что собака смотрит на нее с недоверием.

– И не надо на меня так смотреть, – сказала ей Коко.

– Что? С кем это ты там болтаешь? – скороговоркой выпалила Джейн.

– Не важно. А почему он не может побыть пока в моем доме?

– Потому что он любит жить в своем и спать в собственной постели! – Джейн оставалась непреклонной.

Коко страдальчески закатила глаза. До дома клиента оставался всего один квартал, опаздывать ей не хотелось, но интуиция подсказывала, что придется. Влияние сестры она ощущала, словно притяжение Луны, которой подчиняются приливы, – как некую силу, сопротивляться которой невозможно.

– И я предпочитаю собственную постель, – возразила Коко, пытаясь придать своим словам убедительность, но заранее зная, что никого не убедит, а в особенности Джейн. В Нью-Йорке им с Элизабет предстоит провести месяцев пять. – Не могу же я пять месяцев сторожить твой дом, – с внезапно накатившим упрямством добавила Коко. Съёмки фильмов иногда затягиваются на полгода, а то и дольше.

– Прекрасно. Найду кого-нибудь другого. – Голос Джейн звучал так недовольно, словно Коко была напроказившим ребенком. Этот способ всегда срабатывал, сколько бы Коко ни напоминала себе, что давно выросла. – Но за час до вылета мне просто не хватит времени. Я обо всем позабочусь, когда буду в Нью-Йорке. Господи, можно подумать, я тебя в наркопритон посылаю! Да тебе, считай, повезло пожить по-человечески месяцев пять или шесть. И тратить время на дорогу не придется. – Джейн умела впарить любой товар, но Коко не желала становиться доверчивой покупательницей. Дом сестры, великолепный, безупречный и холодный, она ненавидела. Его фотографировали для всех до единого интерьерных журналов, а Коко в нем всегда было неуютно: негде свернуться клубочком, негде притулиться вечером. И повсюду такая стерильная чистота, что страшно не только есть, но и дышать. В отличие от Джейн и Лиз, фанатичной поклонницей порядка Коко не была, тогда как их любовь к чистоте доходила до крайности. Коко предпочитала удобный легкий хаос и не возражала, если в доме порой воцарялся творческий беспорядок. От этого Джейн буквально выходила из себя.

– Несколько дней еще куда ни шло, самое большое – неделю. Но за это время ты обязательно должна кого-нибудь найти. Я не хочу месяцами жить в твоём доме, – твердо сказала Коко, чтобы сразу расставить все точки над *i*.

– Ясно. Сделаю все, что смогу. Только выручи меня, будь добра. Когда ты сможешь заехать за ключами? Я еще хочу показать тебе нашу сигнализацию – мы добавили несколько функций, а с ними так просто не разберешься. Только ни в коем случае ее не отключай! Еду для Джека забирай из «Псовой столовой» – ее готовят дважды в неделю, по понедельникам и четвергам. И не забудь, мы сменили ветеринара, теперь у нас доктор Хадзимото с Сакраменто-стрит. На следующей неделе у Джека повторная прививка.

– Хорошо хоть детей у вас нет, – сухо заметила Коко, разворачивая машину. Уж лучше опоздать, зато сразу покончить с наставлениями сестры. Иначе Джейн запилит ее до помешательства. – С детьми по съемкам не разъездишься.

Ребенка Джейн и Лиз заменял их бульмастиф, которому жилось лучше, чем некоторым людям, – со специально приготовленной едой, дрессировщиком, грумером, приходящим на дом купать его. А уж внимания псу доставалось больше, чем многие родители уделяют детям.

Коко подкатила к дому сестры, возле которого уже ждал лимузин, чтобы отвезти Джейн в аэропорт. Заглушив двигатель, Коко поспешно выскочила из машины, оставив Салли с любопытством глазеть в окно. Ближайшие несколько дней ей предстояло провести в приятной компании. Бульмастиф Джек был втрое здоровее Салли, и, гоняясь друг за другом, собаки угрожали перевернуть вверх дном весь дом. Надо бы пустить их поплавать в бассейне, мелькнуло у Коко. Во всем доме она любила только гигантский проекционный экран в спальне. На нем было удобно смотреть кино. Экран занимал целую стену просторной комнаты.

Коко позвонила в дверь, и Джейн тут же открыла, прижимая к уху мобильник. Обругав в телефон профсоюзы на чем свет стоит, Джейн отключилась. Две женщины, стоящие лицом к лицу, были удивительно похожи: обе рослые, тонкие в кости, с красивыми лицами, в подростковые годы обе успели поработать моделями. Самой примечательной разницей между ними было то, что Джейн словно состояла из острых углов и носила прямые светлые волосы собранными в длинный хвост, а у Коко были распущенные рыжеватые волосы, чуть более мягкие черты и улыбка в глазах придавали ей женственности. Джейн всем своим видом служила напоминанием о стрессе, в ней всегда чувствовалась излишняя резкость, даже в детстве, но те, кто был близко знаком с ней, знали: несмотря на острый как бритва язык, Джейн добра и порядочна. Что, впрочем, не отменяло ее нестигаемости, так хорошо известной Коко.

С черными джинсами и черным кожаным пиджаком Джейн надела черную футболку, в ее ушах поблескивали бриллиантовые серьги-гвоздики. Коко была в белой футболке, джинсах, подчеркивающих стройность ее длинных изящных ног, и кроссовках, необходимых для работы; рукава наброшенного на плечи легкого свитера она завязала на шее. Из них двух Коко выглядела определенно моложе. Изысканность Джейн слегка старила ее, тем не менее обеих можно было назвать яркими женщинами, поразительно похожими на их знаменитого отца. От матери, невысокой и чуть полноватой, Джейн унаследовала цвет волос, а медные локоны Коко напоминали о поколении бабушек и дедушек, так как у Базза Баррингтона волосы были иссиня-черными.

– Ну, слава богу! – выдохнула Джейн, а ее гигантский бульмастиф бросился к ним, встал на дыбы и взгромоздил передние лапы на плечи Коко. Пес понимал, что означает ее появление: запретные и в отсутствие Коко недостижимые объедки со стола и вдобавок сладкий сон на бескрайних просторах кровати в хозяйской спальне, против которого решительно возражала Джейн. Своего пса она обожала, но твердо верила в соблюдение правил. Зато манипулировать Коко было так просто, что даже Джек добивался от нее того, чего хотел, а именно – проводить ночи на кровати. Завиляв хвостом, бульмастиф лизнул гостью в лицо с большим радушием, чем проявила Джейн. Из двух хозяек дома более приветливой была Лиз, но она уже улетела

в Нью-Йорк. А в отношениях между сестрами всегда ощущалась натянутость. Какими бы бла-
гими ни были намерения Джейн, своей прямолинейности она не изменяла.

Джейн вручила Коко связку ключей и инструкции к новой сигнализации, затем еще раз
напомнила о ветеринаре, прививках, элитной собачьей кормежке и добавила к наставлению не
менее четырнадцать новых пунктов. Все они пулеметной очередью обрушились на младшую
сестру.

– И звони немедленно, если с Джеком что-нибудь случится, – заключила Джейн.

На языке Коко вертелся вопрос: «А если что-нибудь случится со мной?» – но она удер-
жалась, зная, что вряд ли рассмешит сестру.

– Как-нибудь в выходные мы попытаемся вырваться сюда, дать тебе перевести дух, но
когда это будет, понятия не имею, тем более теперь, когда у нас конфликт с профсоюзами. –
Джейн еще не успела уехать на съемки, а уже выглядела взвинченной и усталой. Коко знала,
что ее сестра помнит обо всем вплоть до мелочей и блестяще справляется со своим делом.

– Нет, подожди, – попросила Коко, чувствуя знакомый прилив слабости, – я ведь преду-
редила, что пробуду здесь всего несколько дней, помнишь? Самое большее неделю. Но я не
собираюсь торчать здесь все время, пока вы на съемках. – Об этом она напомнила с умыслом,
чтобы убедиться, что они с Джейн поняли друг друга. Неясности были ей совсем не нужны.

– Да помню я, помню. Можно подумать, ты не рада хоть немного пожить в приличном
доме! – Вместо излияний благодарности Джейн недовольно нахмурилась.

– Этот приличный дом твой, – возразила Коко. – А мой дом в Болинасе. – Эти слова,
произнесенные спокойно и с достоинством, Джейн пропустила мимо ушей.

– Только не надо опять о том же, – предостерегающе откликнулась Джейн, но нехотя
смягчилась, взглянула на сестру и улыбнулась. – Спасибо, что выручила меня, детка. Поверь,
я оценила. Повезло мне иметь такую классную сестренку! – Она одарила собеседницу одной
из тех редких одобрительных улыбок, ради которых Коко всю жизнь старалась угодить ей. Но
добиться от Джейн улыбки было нелегко.

Коко хотелось спросить, почему ее называли классной сестренкой – потому что своей
жизни у нее нет? Однако она промолчала и лишь кивнула, ненавидя себя за то, что так быстро
сдалась, причем без боя. А какой смысл тратить силы? Джейн все равно победит. Она навсе-
гда останется старшей сестрой, которой Коко проиграет в любой игре, ни за что не осмелится
сказать «нет» и будет отводить особое место в жизни, которого не всегда устаиваются даже
их родители.

– Ты уж постарайся, чтобы я не застряла здесь навечно, – почти взмолилась Коко.

– Я позвоню тебе и обо всем сообщу, – дала уклончивый ответ Джейн и метнулась в
соседнюю комнату, где зазвонили сразу два телефона, а спустя мгновение – и ее мобильник. –
Еще раз спасибо! – бросила Джейн через плечо, а Коко вздохнула, потрепала пса по голове и
обернулась к своему фургону. К первому клиенту она опаздывала уже на двадцать минут.

– Ну, Джек, до встречи, – тихонько попрощалась Коко и закрыла за собой дверь. От дома
она отъезжала с тягостным предчувствием, что Джейн все-таки заставит ее несколько месяцев
нянчиться с Джеком. Коко знала, на что способна ее сестра.

Спустя пять минут Коко остановилась у дома первого клиента. Из бардачка она извлекла
миниатюрный сейф, набрала комбинацию цифр на замке и вынула связку ключей с биркой и
кодом. Она хранила у себя ключи от домов всех клиентов, которые всецело доверяли ей. Дом,
возле которого сейчас стоял фургон, был кирпичным, почти таким же просторным, как дом
Джейн, окруженным аккуратно подстриженными живыми изгородями. Коко отперла заднюю
дверь, отключила сигнализацию и засвистела. Откуда-то из глубины дома выскочил рослый
серебристо-серый немецкий дог, восторженно завилявший хвостом при виде Коко.

– Привет, Генри, как дела? – Коко прицепила к ошейнику поводок, включила сигнализацию, заперла дверь и повела пса к фургону, где Салли уже с нетерпением ждала давнего друга. С приветственным лаем собаки затеяли возню в фургоне.

Заезжая поочередно в ближайшие четыре дома, Коко собрала пеструю компанию: на диво покладистого добермана, родезийского риджбека, ирландского волкодава и далматинца, принадлежавших состоятельным семьям с примерно одинаковым достатком. Первую за день пробежку Коко неизменно совершала с самыми крупными из подопечных, особенно нуждающимися в движении. Она направлялась на пляж Оушен-Бич, где собакам с избытком хватало места, чтобы наматывать целые мили. Иногда Коко возила всю стаю в парк «Золотые Ворота». Когда требовалось, Салли помогала хозяйке собрать подопечных, словно стадо овец. Вот уже три года Коко гуляла с собаками самых богатых и знаменитых жителей Пасифик-Хайтс, и ни разу никто из ее питомцев не пострадал, не попал под машину и не потерялся. В своем бизнесе Коко пользовалась безупречной репутацией, и хотя родные считали ее занятие досадной потерей времени и денег, потраченных на образование, Коко радовалась возможности постоянно бывать на свежем воздухе, любила собак и неплохо зарабатывала. Она вовсе не собиралась до конца своих дней гулять с чужими собаками, но пока такая жизнь ее устраивала.

Ее мобильник зазвонил, когда она развозила по домам последних больших собак. Далее предстояло собрать группу собак среднего размера, а самых маленьких выгулять перед самым обедом, поскольку большинство хозяев гуляли с ними перед уходом на работу. Последняя пробежка с большими псами приходилась на середину дня, после чего Коко уезжала обратно в округ Марин. Звонила Джейн. Она уже сидела в самолете, наскоро делая последние звонки, пока пассажиров не попросили отключить телефоны.

– Перед отъездом я еще раз проверила записи – оказывается, повторная вакцинация у Джека не через неделю, а через две.

Порой Коко не понимала, как у ее сестры не лопается голова от бесчисленного множества дел, за которыми она старалась уследить. Джейн не считала недостойной внимания ни одну подробность, она рьяно занималась мелочной опекой всех и вся в своей жизни, и пес не был исключением.

– Об этом не беспокойся. Мы справимся, – заверила ее Коко безмятежным голосом. Пробежка по пляжу всегда настраивала на добродушный лад и ее, и собак. – Удачных тебе съемок.

– В разгар забастовки? – Судя по голосу, Джейн была как натянутая струна.

Но Коко знала: как только рядом окажется Лиз, сестра успокоится. Под влиянием Лиз она всегда смягчалась. Эти женщины были идеальной парой и дополняли друг друга.

– А ты все равно найди повод порадоваться. И заодно кого-нибудь, чтобы присматривал за домом вместо меня. – Коко не собиралась отказываться от выдвинутых условий, не важно, нравятся они Джейн или нет.

– Помню, помню, – подтвердила Джейн и вздохнула. – Спасибо, что выручила. Ты же понимаешь, как это важно для меня – знать, что и дом, и Джек в надежных руках. – Впервые за все утро ее голос смягчился. Несмотря ни на что, они все-таки были сестрами.

– Спасибо. – Коко не удержалась от улыбки, не понимая, почему одобрение сестры всегда так много значит для нее, а его отсутствие так больно ранит. Когда-нибудь она соскочит с этого крючка, возьмет себя в руки и больше не будет изводиться из-за Джейн. Но это время еще не пришло.

Разумеется, с точки зрения матери и Джейн, прогулки с чужими собаками не работа. Она не вписывалась в их жизненный уклад; по сравнению с достижениями обеих, автора бестселлеров и продюсера, номинированного на «Оскар», бизнес Коко ничтожен, его следует стыдиться. Уж лучше бы у Коко вообще не было работы, считали обе. Да и сама Коко признавала: хитроумный прибор, измеряющий величину достижений, подтвердил бы, что карьере собачьего

тренера грош цена. И все-таки, несмотря на недовольство близких, жизнь, которую вела Коко, была проста, легка и приятна. О большем она пока и не мечтала.

Глава 2

В город Коко вернулась к шести, после чего сразу отправилась к себе домой, где уложила в сумку запас футболок, джинсов, еще одни кроссовки, чистое белье и стопку дисков с любимыми фильмами, чтобы было что смотреть на гигантском экране Джейн. Неподалеку от места сбора дорожной пошлины ее мобильник зазвонил: Джейн только что добралась до квартиры, которую они с Лиз на полгода сняли в Нью-Йорке.

– Как там у вас, все в порядке?

– Заскочила домой, теперь еду к тебе, – известила сестру Коко. – Мы с Джеком задумали поужинать при свечах, а Салли – посмотреть любимую передачу по телевизору.

Коко не позволяла себе вспоминать времена более чем двухлетней давности, когда они с Йеном вместе готовили ужин, бродили по берегу океана на закате, ловили рыбу с катера по воскресеньям, – времена, когда у нее была своя жизнь, а не только кормление пса сестры деликатесами. Думать об этом нет смысла. Прошлого не вернешь.

Коко и Йен собирались пожениться летом того года, когда он погиб, оба планировали устроить простую церемонию на пляже, а после нее барбекю для друзей. Матери Коко так ничего и не сообщила, иначе ту хватил бы удар. В перспективе намечалось возвращение в Австралию и открытие новой школы дайвинга. В юности Йен был чемпионом по серфингу. От этих воспоминаний на Коко накатила тоска.

После разговора с Джейн трубку взяла Лиз и не пожалела слов благодарности за то, что Коко пожертвовала своим временем. В голосе Лиз звучала теплота, которой не удостаивала сестру Джейн.

– Все в порядке, я рада помочь, только если не слишком долго, – не удержавшись, напонила ей Коко.

– Обещаю тебе, мы как можно скорее кого-нибудь подыщем. – Лиз не кривила душой. В отличие от Джейн, она не принимала помощь Коко как должное.

– Спасибо, – отозвалась Коко. – Как там в Нью-Йорке?

– Если бы не забастовка, было бы совсем хорошо. Может, сегодня мы наконец-то придем к соглашению, – с надеждой добавила Лиз. Она была миротворцем по натуре, а Джейн в этой паре досталась роль воительницы.

Притормаживая возле их дома, Коко пожелала обоим удачи. Порой она завидовала отношениям Лиз и Джейн. Так и полагалось жить супругам, но для многих подобная привязанность оказывалась недостижимой. Коко с детства знала о наклонностях сестры, принимала ее образ жизни, не задавая вопросов, но понимала, что окружающих он может удивлять. Коко тревожило другое: напористость Джейн, ее яростное стремление добиваться своего от всех и каждого. Только Лиз ухитрялась придать ей хоть какое-то подобие гуманности, да и то не всегда. С младенчества избалованная родителями, привыкшая к тому, что ее достижения вызывают у окружающих бурный восторг, Джейн не сомневалась: она должна получать все, что только пожелает. А Коко всегда оставалась на втором плане, в тени сестры. Так было раньше, так продолжалось и по сей день. Коко иначе ощущала свое положение лишь в те дни, когда рядом находился Йен, может, потому, что ей было некогда задумываться о сестре, а может, присутствие Йена служило ей защитой. Ее согревала мысль о переезде в Австралию вместе с ним. Но все надежды рухнули, и осталось лишь торчать в доме сестры, опять возиться с ее собакой. А если бы рядом с ней по-прежнему был Йен, если бы у нее хватало и своих дел? Джейн пришлось бы обратиться к кому-нибудь другому, вместо того чтобы всякий раз звать на помощь сестру, словно безотказную Золушку. Что почувствовала бы сама Коко, если бы не смогла поддержать Джейн? Поняла бы, что наконец повзрослела или что повела себя как противная девчонка, как называла ее в детстве Джейн, не желая слушать возражений? Этот

вопрос уже давно мучил Коко, но ответа на него она пока не нашла. А может, и не хотела. Гораздо проще беспрекословно выполнять просьбы, особенно теперь, когда Йена не стало.

Коко накормила обеих собак и включила телевизор, затем откинулась на спинку обитого белым мехом дивана и водрузила ноги на белый полированный журнальный столик. Ковровое покрытие тоже было белым, из шерсти какого-то редкого южноамериканского животного, как смутно помнилось Коко. Дом по проекту архитектора, приглашенного из Мехико, был великолепен, но сочетался только с безукоризненной прической, ухоженными руками, новенькими туфлями. Коко не покидало ощущение, что даже ее дыхание оставляет повсюду невидимые пятна, которые наверняка заметит сестра. Жизнь здесь определенно угнетала и, уж во всяком случае, была не столь уютной и комфортной, как в Болинасе, в «лачуге» Коко.

Наконец она поднялась и направилась на кухню в поисках какой-нибудь еды. Уезжая впопыхах, ни Элизабет, ни Джейн не удосужились заполнить холодильник в расчете на тех, кто будет присматривать за домом. Коко обнаружила в нем только кочан салата, два лимона и бутылку белого вина. В кухонном шкафу нашлись макароны и оливковое масло, и Коко решила поужинать миской пустой пасты с салатом, а пока готовила еду, выпила бокал белого вина. Когда Коко уже перемешивала салат, обе собаки вдруг неистово залаяли на окна: оказалось, по саду разгуливают два енота. Они скрылись из виду только через четверть часа, собак удалось уговорить не сразу, а когда они наконец умолкли, Коко уловила запах гари. Пахло так, словно загорелась проводка; Коко забегала по комнатам, пытаясь выяснить, что горит, но ничего не нашла. Наконец запах привел ее на кухню, где вода в кастрюльке выкипела, а макароны превратились в толстую черную корку на дне. Вдобавок ручка кастрюли расплавилась – она-то и наполняла едким запахом весь дом.

– Черт! – вырвалось у Коко. Она переставила кастрюльку в раковину, залила холодной водой, и в ту же минуту послышался вой. Сработала дымовая сигнализация, позвонить в охранную компанию Коко уже не успела: к двери подлетели две пожарные машины с сиренами. Пока Коко, смущаясь и краснея, объяснялась под лай обеих собак, зазвонил мобильник. Ответив на звонок, Коко услышала голос Джейн.

– Что там у тебя творится? Мне только что позвонили из охранной компании! В доме пожар?! – тараторила она.

– Все в порядке, – успокоила ее Коко, одновременно благодаря и выпроваживая пожарных. Она постояла на пороге, глядя им вслед, затем закрыла входную дверь. Предстояло еще заново включить сигнализацию, а она не помнила, как это делается, но не признаваться же в этом Джейн. – Ничего особенного не случилось, просто сгорели макароны. В сад забрались два енота, собаки взбесились, и я совсем забыла, что у меня на плите стоит кастрюля.

– Господи, да ты же могла спалить весь дом!

В Нью-Йорке время близилось к полуночи, забастовку удалось прекратить, но, казалось, Джейн покидали силы.

– Если хочешь, могу вернуться к себе в Болинас, – с готовностью предложила Коко.

– Ладно, не будем об этом. Просто постарайся не убиться и не устроить пожар.

Джейн напомнила сестре, как заново включить сигнализацию, и через несколько минут Коко уже сидела за безукоризненно чистым кухонным столом из черного гранита и жевала салат – голодная, усталая, в тоске по своему дому.

Она сунула миску в посудомоечную машину, выбросила кастрюльку с расплавившейся ручкой, выключила свет и только наверху, в спальне, куда последовали за ней обе собаки, заметила, что к подошве кроссовки пристал листочек салата. Коко села на пол спальни Джейн, чувствуя себя слоном в посудной лавке, как бывало всякий раз, когда она оказывалась в поле зрения сестры и становилась неловкой и неумелой. Ей здесь не место. Наконец она поднялась, сбросила кроссовки и рухнула на кровать, собаки сразу же последовали за ней! При виде обеих

Коко рассмеялась. Сестра убила бы ее, узнав, что собаки забирались на кровать, но поскольку Джейн здесь нет, пусть спят, где им вздумается.

Пришлось снова подняться, чтобы вставить диск в плеер. Лежа в постели рядом с собаками, Коко включила свой любимый фильм. В доме все еще витал едкий запах. Кстати, надо будет возместить ущерб... Коко задремала, не досмотрев фильм до середины, в мечтах о Болинасе и Йене. Она проснулась лишь наутро и поспешила принять душ, одеться, чтобы выгуливать первую партию собак. В кухню она даже не зашла, заваривать чай не рискнула, обеих собак взяла с собой. Зато, на ее счастье, сестра пока не стала тревожить ее звонками.

Выгуляв собак, как обычно, в парках «Золотые Ворота», Пресидио и Крисси-Филд, она вернулась на Бродвей лишь к четырем и сразу погрузилась в джакузи. Решив сегодня вечером не притрагиваться к плите, Коко поставила диск с другим фильмом и заказала китайскую еду. Мать позвонила из Лос-Анджелеса, когда Коко приканчивала острую говядину с яичным рулетом. Джек, сидя у стола и не сводя глаз с вожделенных лакомств, пускал слюни, Салли держалась рядом.

– Привет, мама, – с набитым ртом выговорила в телефон Коко, определив, что звонит мать, по номеру на дисплее. – Как ты?

– Прекрасно! Радуюсь, что ты в приличном доме, а не в этой пожароопасной развалюхе в Болинасе. Повезло тебе, что сестра разрешила пожить у нее.

– Это моей сестре повезло, что я согласилась посторожить ее дом, хотя меня предупредили в последнюю минуту! – неожиданно для себя выпалила Коко. Джек стянул со стола яичный рулет и проглотил его не жуя; Коко поспешно отставила подальше от края тарелку. Если бы Джейн увидела проделки своего любимца, она убила бы Коко.

– Что ты мелешь?! – упрекнула мать. – Тебе все равно нечем заняться, а тут такой удачный случай! У Джейн великолепный дом.

Безусловно, только жить в нем – все равно что среди театральных декораций.

– Тебе давно пора подыскать жилье в городе, – продолжала мать. – А заодно и пристойную работу и мужчину. И школу права надо закончить.

Все это Коко слышала уже не раз. Мать и сестра совершенно точно знали, как ей следует жить, и охотно высказывали свое мнение по этому поводу. В своей правоте они были непоколебимо убеждены, а Коко считали ходячей ошибкой.

– Так как у тебя дела, мама? Все хорошо?

Безотказный способ: у матери всегда было что рассказать о собственной персоне, эти разговоры ее неизменно увлекали.

– Только что начала новую книгу, – жизнерадостно сообщила она. – Сюжет бесподобный! О генерале-северянине и южанке во время Гражданской войны. Они влюбляются, их разлучают, она становится вдовой, самый преданный раб помогает ей бежать на Север и разыскать генерала. У нее не остается ни гроша, генерал в отчаянии никак не может ее найти, а она ищет еще и возлюбленную раба. В сущности, это две истории в одной – так увлекательно работать над ними! – выпалила мать на одном дыхании. Коко улыбнулась. За свою жизнь она выслушала уйму подобных рассказов. Ей нравились мамины книги, она гордилась ею, хотя в раннем детстве немного стеснялась столь шумного успеха. В те годы она мечтала лишь об одном: чтобы ее мама стала самой обычной, заурядной, пекла бы печенье, возила по очереди с другими мамами Коко и ее подружек в школу и не считалась знаменитостью. В фантазиях мама представлялась ей простой домохозяйкой, а реальность была неизмеримо далека от них. Мать вечно то писала, то давала интервью. К моменту рождения Коко она уже была звездой немалой величины. И потому Коко всегда завидовала детям самых простых, незначительных родителей.

– Твоему новому роману уже обеспечено место в списке бестселлеров. У тебя ведь не бывает осечек, верно, мама? – добавила Коко с оттенком грусти.

– Стараюсь, милая. Слишком уж я люблю аромат успеха! – Мать засмеялась.

Этот аромат нравился всем родным – не только матери, но и Джейн, и отцу. Коко часто пыталась представить себе, как сложилась бы ее жизнь среди «нормальных» людей, к примеру, врачей, учителей, страховых агентов. Среди ее одноклассников в Лос-Анджелесе детей из подобных семейств было немного. Почти все ее знакомые могли похвастаться знаменитыми родителями или хотя бы одним из них. У большинства учеников школы, в которой училась Коко, родители были продюсерами, режиссерами, актерами, владельцами студий. Ее отдали в Гарвард-Уэстлейк – Гарвардскую частную среднюю школу, одно из лучших учебных заведений Лос-Анджелеса, и среди бывших однокашников уже насчитывалось немало публичных фигур. Вращаясь в кругу живых легенд, надо было соответствовать им. Чуть ли не каждый знакомый Коко стал прирожденным карьеристом, нацеленным на успех подобно ее сестре, и вместе с тем кое-кто из одноклассников уже покинул этот мир – умер от передозировки, от алкоголизма, погиб в аварии, покончил с собой. Такое случалось и с бедняками, но гораздо чаще с богатыми и знаменитыми. Они мчались по жизни с бешеной скоростью и дорого платили за успех. Родителям Коко и в голову не приходило, что она не только откажется платить, но и просто выйдет из игры. С их точки зрения, подобный поступок был абсурдным, зато Коко считала его исполненным смысла.

– Может, теперь, пока ты живешь в городе и присматриваешь за домом Джейн, ты начнешь посещать какие-нибудь курсы? Подготовишься к возвращению домой и в школу права, – предложила мать делано-небрежным тоном. Такие намеки были уже знакомы Коко, но как правильно реагировать на них, она по-прежнему не знала.

– Какие курсы, мама? Игры на пианино? На гитаре? Макраме? Кулинарии? Икебаны? Меня полностью устраивает моя работа.

– Когда тебе стукнет пятьдесят, с оравой чужих собак ты будешь смотреться неказисто, – невозмутимо парировала мать. – Ты не замужем, у тебя нет детей. Нельзя до конца своих дней просто убивать время. Займись хоть чем-нибудь существенным. Например, бери уроки живописи – ты же когда-то любила рисовать.

Жалкая, безнадежная попытка. Почему ее просто не могут оставить в покое, чтобы она могла жить, как считает нужным? Почему Йен... нет, лучше не думать об этом.

– Мама, у меня нет таланта, в отличие от тебя и Джейн. Я не могу писать книги или снимать фильмы. Может, когда-нибудь у меня появятся дети. А пока я неплохо зарабатываю на жизнь своим делом.

– Тебе вовсе незачем, как ты выражаешься, «неплохо зарабатывать». И не надейся, что дети заполнят пустоту в твоей жизни: они повзрослеют, у них появятся собственные интересы. Тебе опять понадобится хоть какое-нибудь дело, чтобы реализовать свой потенциал. Дети требуют немало времени, но они рано или поздно вырастают. Муж может умереть или бросить тебя. Ты должна стать самодостаточной личностью, Коко. Только тогда ты будешь по-настоящему счастлива.

– Я уже счастлива. Потому и живу здесь. Крысиные гонки в Лос-Анджелесе довели меня.

Мать вздохнула. Казалось, они шептались каждая свое, стоя по разные стороны от Большого каньона, не слушая друг друга и не желая слышать. Временами Коко становилось смешно при мысли, что выбранная ею работа, прогулки с чужими собаками, способна поколебать уверенность матери и Джейн. Сама Коко относилась к своему занятию совершенно спокойно. Иногда она даже сочувствовала родным.

Но разговоры с матерью нагоняли на нее тоску. Казалось, Коко никогда не оправдать ожидания близких. Сейчас это беспокоило ее уже не так, как раньше, но временами тревога возвращалась. Коко еще долго думала об этом разговоре и жевала второй рулет. В Болинесе она питалась в основном салатами и покупала на местном рынке свежую рыбу. Ездить же в супермаркеты Сан-Франциско было лень, а оборудованная по последнему слову техники кухня

сестры, похожая на пульт управления космического корабля, внушала Коко робость. Проще заказать еду с доставкой на дом. Продолжая думать о матери, Коко поднялась в спальню и включила фильм. Джек с довольным видом забрался к ней на постель, не дожидаясь приглашения, и положил голову на подушку, Салли с блаженным вздохом устроилась в ногах. К началу фильма оба пса уже посапывали. Уютно свернувшись клубочком, Коко посмотрела романтическую комедию, где главные роли играли любимые актеры. Эту картину она смотрела раз пять.

Только когда фильм кончился, она заметила, что на мобильнике ждет непрочитанное сообщение, как выяснилось, от Джейн. Должно быть, опять что-нибудь насчет собаки. За прошедшие два дня Коко получила несколько посланий от сестры – с напоминаниями о доме, собаке, садовнике, сигнализации, приходящей уборщице. Как только начнутся съемки, у Джейн не останется ни сил, ни времени слать эсэмэски каждые пять минут. Новое сообщение оказалось длиннее предыдущих. Джейн предупреждала сестру о какой-то подруге, которая должна провести у нее в доме выходные. У Коко мелькнула мысль попросить гостью посидеть с собакой, а тем временем съездить к себе домой, но она не рискнула, подумав, как взбесится Джейн, если узнает о побеге и попытке переложить обязанности на чужого человека.

Сообщение гласило: «Наш друг Лесли прячется от чокнутой бывшей подружки, которая грозит убийством. Скорее всего появится завтра или в воскресенье, пробудет несколько дней. Где найти спрятанный ключ и как отключить сигнализацию, знает. Спасибо. Целуем, Джейн и Лиззи». Коко что-то не припоминала никаких Лесли среди подруг Джейн и Лиззи. Не из Лос-Анджелеса ли будущая гостья? Имя Лесли звучало экзотичнее, чем имена большинства подруг Джейн – умных, творческих, но в целом довольно консервативных дам средних лет, поддерживающих длительные и устойчивые отношения с близкими людьми и вряд ли способных связаться с шизофреничкой, склонной к убийствам. Но если беглянка Лесли знает код и сумеет найти запасной ключ, беспокоиться не о чем. Коко включила следующий фильм и уснула только часа в три ночи. На следующий день ей предстояло выгулять всего двух собак, да и то лишь после полудня, поэтому она рассчитывала выспаться.

Проснувшись в десять в залитой ослепительным солнцем спальне, выглянула в окно, увидела, как целый флот парусных яхт готовится к регате, и чуть ли не до слез пожалела, что она не в Болинесе. Пожалуй, стоило бы съездить домой, прогулять собак по пляжу и проверить почту.

Коко с наслаждением потянулась, выпустила собак в сад и оставила дверь открытой, чтобы, набегавшись, они могли вернуться, а затем направилась в кухню поискать чего-нибудь съедобного. За два дня, проведенных в доме Джейн, у нее так и не нашлось времени купить припасов. Мысленно делая выбор между остатками вчерашней китайской еды и замороженными вафлями, найденными в морозильнике, она вдруг вспомнила, что забыла поставить привезенные из китайского ресторана упаковки в холодильник. Коробочки по-прежнему стояли на столе у раковины. Пришлось удовлетвориться вафлями. Коко положила их в микроволновку, нашла сироп, обернулась и увидела, что Джек, взгромоздив на столешницу лапы, с довольным видом пожирает китайскую еду. У пойманного с поличным отбирать было почти нечего, а острую говядину давать псу явно не стоило. Коко отогнала Джека, который оскорбленно гавкнул, потом уселся возле кухонного стола и все время, пока Коко завтракала, не спускал с нее глаз. Салли сидела рядом и, судя по виду, тоже рассчитывала на подачку.

– Свинтусы вы все-таки, – сказала собакам Коко.

Ее длинные волосы, ниспадающие на спину, отливали медью, она сидела на кухне, одетая в любимую фланелевую ночнушку с сердечками и розовые шерстяные носки, потому что ночью у нее вечно мерзли ноги, и походила в таком наряде на подростка. Собаки провожали внимательными взглядами каждую вафлю, которая исчезала у нее во рту.

– М-м, вкуснятина! – поддразнила их Коко и рассмеялась, заметив, с какой надеждой мотнул головой Джек. – Неужели китайской еды было мало? Имей в виду, обжорство до добра не доводит.

Покончив с вафлями, Коко встала, чтобы убрать кленовый сироп в холодильник. Несколько капель оставили липкие потеки на стенках бутылки. Следовало бы вытереть ее, как наверняка поступила бы Джейн, но Коко пообещала себе непременно сделать это в другой раз. В ближайшее время Джейн все равно не явится с инспекцией, а Коко еще предстояло принять душ и прогулять двух чужих собак. Она почти донесла до холодильника бутылку, с которой срывались редкие капли, когда запах сладкого сиропа вскружил Джеку голову. Сорвавшись с места, он выбил бутылку из рук Коко. Бутылка ударилась о гранитные плитки, разбилась вдребезги, по полу растеклась ароматная лужица. Коко и опомниться не успела, как Джек ринулся к ней и принялся лакать сироп, в котором сверкали осколки стекла, а Салли вдруг вспомнила, что ее предки были пастушьими собаками, забегала по кухне кругами и залаяла. Пытаясь оттащить Джека за ошейник, Коко нечаянно наступила в лужу и выпачкала носки в сиропе, огромный пес отпихнул ее и сбил с ног. Внезапно оказалось, что Коко восседает на полу в луже сиропа, а Джек возмущенно облаивает ее. Ему хотелось сиропа, а ей не пустить его в лужу, чтобы он не порезался битым стеклом. Ночная рубашка и носки были безнадежно перемазаны, сладкая жижа непонятным образом попала даже на волосы. Коко расхохоталась, с трудом поднялась под лай собак и оттащила мастифа. И только тут обнаружила, что всю эту сцену наблюдает неизвестный мужчина. В шуме и суете даже собаки не сразу заметили его, а когда наконец увидели, залились лаем, и Коко пришлось хватать за ошейники сразу обеих. Словом, в доме воцарился полный хаос, и незнакомец, кажется, испугался.

– Что вы здесь делаете? – строго спросила Коко. Мужчина в джинсах, водолазке и кожаном черном пиджаке ничуть не походил на грабителя, а каким образом проник в дом, Коко понятия не имела.

Вся в сиропе, она смотрела на неизвестного, а тот с трудом сдерживал улыбку при мысли о только что увиденных акробатических номерах. Эта девушка с длинными взлохмаченными рыжеватыми волосами, в ночной рубашке и носках, перепачканных сиропом, походила на укротительницу львов. Она держала за ошейник басовито лающего бульмастифа, а австралийская овчарка все-таки вырвалась и опять забегала кругами, ни на секунду не переставая лаять. В кухне стоял сладкий запах сиропа, перемазанные волосы девушки приобрели стеклянный отблеск. Незванный гость не мог не заметить, насколько она симпатична и молода, с виду не старше восемнадцати лет.

– А тортами у вас не кидаются? – спросил незнакомец и подмигнул. – Жаль, если я пропустил самое интересное. Люблю такие зрелища. Между прочим, я к вам на несколько дней, на правах гостя – или беженца.

Он предъявил связку ключей в доказательство, что проник в дом законным путем. Не может быть! Сестра писала, что приедет женщина. И ни словом не упоминала, что ее друг – мужчина. Или это она, Коко, все перепутала? Внезапно Коко поняла, что гость говорит с британским акцентом, присмотрелась и чуть не вскрикнула. Неввероятно. Это просто немыслимо. Она бредит или спит. Этого человека она два дня подряд видела на гигантском экране в спальне сестры!

– О черт... Боже... не может быть! – выпалила она. Только теперь все встало на свои места. Лесли. Не женщина – мужчина. Лесли Бакстер, кинозвезда, всемирно известный сердцеед из Англии. Как могла сестра не предупредить ее о том, кого следует ждать? Коко покраснела до слез, еле осмеливаясь взглянуть на гостя, а тот улыбался, и глаза его смеялись совсем как на экране. Фильмы с этим актером Коко пересматривала десятки раз, а вот теперь столкнулась с ним нос к носу.

– Увы, это действительно я, – виновато произнес он и обвел взглядом разгромленную кухню. – Кажется, здесь следует навести порядок.

Коко кивнула, на миг растеряв все слова, потом все же взяла себя в руки.

– Вы не могли бы вывести из дома собак? – спросила она, указывая на открытую дверь в сад. – Чтобы я прибралась здесь.

– Мог бы, – смущенно отозвался он, – но, если честно, собак я боюсь. Если вы уведете их, я разыщу «гувер» и приведу кухню в порядок.

Коко выслушала его и рассмеялась – ее развеселило и само предложение, и слово «гувер»: точно так же называл все пылесосы Йен, какой бы марки они ни были. Правда, Лесли Бакстер говорил с британским акцентом и, видимо, не подозревал, что с пролитым сиропом не справится ни один пылесос в мире.

– Лучше не надо, – посоветовала Коко и позвала за собой собак. Те нехотя подчинились, а Лесли невольно попятился. Спустя минуту Коко вернулась без собак. Она собрала стекло бумажным полотенцем и стянула носки, чтобы не поскользнуться еще раз. Хорошо еще, что никого не угораздило порезаться битым стеклом. Затем она принялась собирать клейкое месиво девственно-чистыми, белоснежными, новехонькими кухонными полотенцами Джейн. Лесли пытался помочь ей. Он закапал сиропом свои элегантные ботинки из шоколадной замши, Коко перемазалась с ног до головы, но ее помощник прятал улыбку и сдерживал смех.

– Вы не горничная, это ясно, – светским тоном заговорил Лесли, пока они старательно подбирали размазанный по полу сироп, а гора полотенец росла. – Видимо, вы подруга Джейн и Лиззи?

Он созванивался с Джейн, и хотя она ни словом не упомянула, что в доме кто-то есть, вряд ли незнакомка промышляла грабежами со взломом. Может, просто забрела в гости. Переночевала здесь в смешной рубашке с сердечками, решила как следует подкрепиться и в довершение перевернуть дом вверх дном.

– Я присматриваю за их собакой, – объяснила Коко, поправила волосы и оставила на них очередной след сиропа.

Лесли попробовал снять его полотенцем. Не замечать, как она хороша, было невозможно, он с превеликим трудом сохранял невозмутимый вид. Застиранный старенькая ночная рубашка облепила стройную фигуру, придавая незнакомке соблазнительный вид.

– Джейн написала мне, что приедет друг по имени Лесли, но не объяснила, что речь идет о вас. Ну я и решила, что кто-то из ее подружек-лесбиянок спасается от разъяренной бывшей... – Она вдруг сконфузилась, сообразив, что наговорила лишнего, и вдруг заметила на щеке собеседника синяк. – Ой, простите, я зря болтаю... Словом, я думала, вы женщина.

– А я вообще не ожидал застать вас здесь, – признался он, в свою очередь выпачкав волосы в сиропе. Волосы у него были темно-каштановые, почти черные, а глаза – пронзительно-синие. Он уже успел заметить, что у нее зеленые глаза. – В сущности, вы наполовину правы. Я и в самом деле спасаюсь от разъяренной бывшей, просто я не женщина и не лесбиянка. – Лицо его снова стало виноватым. – А вы? – вдруг спросил он.

– Хотите знать, не спасаюсь ли я от бывшей? Нет, я же объяснила – присматриваю за собакой. Ох... – Коко не сразу сообразила, что он имеет в виду. – Нет, к лесбиянкам из числа подруг Джейн я не принадлежу. Я ее сестра.

Едва она произнесла эти слова, он заметил внешнее сходство, но сестры вели себя и одевались настолько по-разному, что ему и в голову не пришло бы, что они в родстве, особенно когда он увидел Коко сидящей в луже кленового сиропа, одетой в смешную старую ночную рубашку и отгоняющей двух заливающихся лаем здоровенных псин. Встреча с незнакомкой его удивила, с собаками – напугала. Не на такой прием он рассчитывал, когда Джейн разрешила ему пожить в пустующем доме. Лично он выбрал бы другое слово. Назвал бы дом каким угодно, только не пустующим.

– Как это вам посчастливилось попасть в собачьи няньки?

Сестра Джейн заинтриговала его. Почти весь сироп был уже убран, хотя ноги липли к полу, словно намазанные суперклеем.

– В этой семье я паршивая овца, – смущенно улыбнулась собеседница, и он рассмеялся. От смущения она похорошела, казалась совсем юной, и грудь, к которой липла ночная рубашка, так и притягивала взгляд.

– И чем же вы заслужили репутацию паршивой овцы? Напивались до беспамятства? Увлекались наркотиками? Выбирали в друзья не тех парней? Вылетели из школы?

По возрасту она годилась в выпускницы, но он сообразил, что в школе она не учится.

– Хуже. Меня отчислили из школы права, а это тяжкое преступление, к тому же моя работа – выгуливать чужих собак. Я живу в старом доме на берегу. Меня считают хиппи и чудачкой, довольствующейся малым, – с усмешкой заключила она. Оценка гостя прозвучала так забавно, что и в собственных словах Коко не нашла ничего обидного. Сказанное показалось ей шуткой.

– А по-моему, в этом нет ничего плохого. Должно быть, в школе права была тоска смертная. Прогулки с чужими собаками – да, рискованное занятие, вашей смелости можно позавидовать. Кстати, я тоже был паршивой овцой. Бросил колледж, чтобы поступить в театральное училище, и отец чуть не убил меня, но теперь я зарабатываю больше, чем получал бы, став банкиром, так что он меня простил. Просто наберитесь терпения, и со временем ваши родные ко всему привыкнут. Или пригрозите написать о них книгу и выложить всю их подноготную. Или тайком сделать шокирующие снимки и продать их в газеты. Шантаж порой бывает кстати. И потом, я не понимаю, чем плохо жить на берегу. Люди платят целые состояния за дома на побережье в Малибу, и все считают их респектабельными, даже завидуют. Нет, никакая вы не паршивая овца, вы меня не убедили.

– Зато мои родные в этом даже не сомневаются, – заверила его Коко.

– Вот насчет хиппи не знаю, в таком виде не разберешь, – указал он на ночную рубашку Коко, и она вдруг заметила, что тонкая ткань мало что скрывает. – Лучше снимите ее, оденьтесь как обычно для прогулок с собаками, – рассудительным тоном посоветовал Лесли. – А я найду швабру и попробую смыть эту жуткую липучку.

Он принялся открывать шкафы один за другим, нашел чулан со швабрами и обернулся, радостно улыбаясь. Коко отметила его чувство юмора и почти застенчивое выражение лица, с которым он смотрел на нее. Никто из знакомых ей кинозвезд так себя не вел.

– Хотите есть? – вежливо осведомилась она, и он рассмеялся.

– Только, умоляю, не надо сиропа! Вы в нем почти выкупались. Кстати, с чем вы его ели? – заинтересовался Лесли.

– С вафлями, – откликнулась с порога Коко.

– Жаль, что мне не досталось.

– В холодильнике есть еще полкочана салата, – сообщила она, и он снова рассмеялся.

– Нет уж, лучше я воздержусь. Попозже привезу какой-нибудь еды. И сиропа специально для вас.

– Спасибо!

Он налил воды в ведро, а Коко взбежала наверх, оставляя за собой цепочку клейких следов. Вскоре она вернулась, одетая в джинсы, футболку и кроссовки. Ее волосы были еще влажными после душа. Лесли сварил кофе и предложил чашку Коко, но она отказалась.

– Я пью только чай, – пояснила она.

– Чая я не нашел. – Лесли с усталым видом опустился на стул. Похоже, последние дни выдались для него беспокойными, синяк на щеке казался совсем свежим.

– У нас кончились все припасы. На обратном пути что-нибудь прихвачу. Мне пора на работу, но по субботам я выгуливаю всего двух собак.

Его лицо стало заинтересованным, словно Коко назвалась заклинательницей змей.

– Вас когда-нибудь кусали? – серьезно спросил он.

– За три года всего один раз, да и то истеричная чихуа-хуа размером с чашку. А большие псы почти всегда бывают добродушными.

– Кстати, как вас зовут? Ваша сестра не познакомила нас. Мое имя вы знаете, а я ваше – нет.

– Мама назвала нас в честь двух своих любимых писательниц. Джейн – в честь Джейн Остен. Меня – в честь Колетт, но так меня никто не зовет. Я Коко. – Она протянула руку, и Лесли с радостным удивлением пожал ее. Собеседница его очаровала.

– Колетт вам больше подходит, – задумчиво отметил он.

– Обожаю ваши фильмы, – негромко призналась Коко и тут же почувствовала себя глупо. За свою жизнь она перезнакомилась с сотнями знаменитостей, в том числе актеров и прочих звезд, но теперь, сидя напротив Лесли за кухонным столом сестры, чувствовала себя неловко, особенно потому, что так часто смотрела его фильмы и любила их. Лесли был ее любимым актером вот уже несколько лет, но если бы ей пришлось в голову признаться в этом, она сразу пожалела бы о своем решении. Теперь им вдвоем придется жить в доме ее сестры, а это совсем другое дело. Придется не только видеть его на экране, но и общаться с ним, как с обычным человеком.

– Спасибо за высокую оценку моих фильмов, – вежливо ответил он. – Среди них есть и ужасные, но попадаются и вполне пристойные. Сам я никогда их не смотрю – слишком стыдно. Всегда терпеть не мог собственную внешность, да и голос, по-моему, у меня дурацкий.

– Это качество великого актера, – убежденно заявила Коко. – Так говорил мой отец. Тот, кто восхищается самим собой, чаще всего вообще не умеет играть. Сэр Лоуренс Оливье ненавидел собственную игру.

– Это обнадеживает. – Лесли почти смущенно взглянул на нее, прихлебывая кофе. Ночи, проведенные без сна по милости бывшей подруги, брали свое, ему нестерпимо хотелось рухнуть в постель и уснуть, и он ушел бы спать, если бы не боялся обидеть Коко. – Вы были с ним знакомы?

– Он дружил с моим отцом.

Поскольку Лесли был знаком с Джейн, он знал, кто родители сестер. И прекрасно понимал, почему профессия и место жительства Коко их смущают, но вместе с тем мог понять и ее. Джейн привыкла, что с ее желаниями считаются, и Лесли, при всем своем уважении, все-таки находил ее чересчур напористой и властной. А эта зеленоглазая девушка с рыжеватыми волосами была, казалось, сделана совсем из другого теста. Она гораздо мягче, трепетнее, у нее нежная душа – это было видно по глазам и сквозило в каждом жесте.

Взглянув на усталое лицо Лесли, Коко предложила проводить его в спальню. Он с благодарностью кивнул, она первой двинулась вверх по лестнице к большой комнате для гостей, расположенной по соседству с хозяйской спальней. Коко знала, что иногда Лиз спит отдельно, когда допоздна засиживается со сценариями. Гостевая комната была просторной и красивой, с живописным видом на залив, но, шагнув через порог, Лесли уже ничего не замечал, кроме манящей кровати. Больше всего на свете ему хотелось принять душ и завалиться спать на ближайшую сотню лет – так он и сказал Коко.

– Я вернусь с покупками – на случай если потом вы захотите перекусить, – пообещала она.

– Спасибо. Все, я в душ. До встречи, – попрощался он. Коко помахала ему и сбежала по лестнице. Перед отъездом она впустила в дом собак, поспешно забралась в свой дряхлый фургон и тут же укатила. Лесли улыбался, наблюдая за ней в окно. Какая милая девушка – смешная, прелестная, неиспорченная! словно дуновение свежего ветерка, особенно приятного после кошмара, который он только что пережил.

Глава 3

Коко заехала за тойпуделем и пекинесом, которых всегда выгуливала по субботам, пробежалась с ними, а на обратном пути заскочила в «Сейфуэй», надеясь запастись сразу всем необходимым. Самой ей вполне хватило бы салата и купленной на вынос еды, которыми она питалась последние два года, но теперь, когда в доме появился гость, Коко сочла своим долгом приготовить что-нибудь более существенное. Джейн наверняка именно этого и ждала бы от нее. Кажется, Лесли Бакстер – приятный и любезный человек. Коко еще не свыклась с мыслью, что у нее появился сосед, и жалела, что сестра не предупредила ее о том, кто именно приедет, ограничившись несколькими ничего не значащими словами: Лесли спасается от чокнутой бывшей подружки. Кто же знал, что это тот самый Лесли? Но по крайней мере на несколько дней дом оживет. Правда, Лесли боится собак, так что вряд ли он останется с Джеком на выходные, о чем поначалу собиралась попросить его Коко.

В три часа дня она вернулась с покупками, утренним выпуском воскресной газеты и журналами для гостя. Почему-то ей захотелось не просто присматривать за домом, но и взять на себя обязанности хозяйки – возможно, чтобы загладить воспоминания о неудачной встрече в лужах кленового сиропа среди битого стекла. Готовность, с которой Лесли помог Коко навести в кухне порядок, подкупила ее.

Как ни странно, дом встретил ее тишиной. Вероятно, Лесли еще спал, а собаки тоже устроились в каком-нибудь уютном уголке и последовали его примеру. Поэтому она принялась без лишнего шума распаковывать покупки в кухне и так увлеклась, что вздрогнула, когда на пороге неожиданно появился Лесли. Он был в чистой белой футболке, джинсах и все в тех же элегантных, истинно английских с виду ботинках из шоколадной замши. А Йен не признавал другой обуви, кроме кроссовок и сандалий «Тева», – единственной, которая ему была нужна, не считая, пожалуй, туристских ботинок. Его тянуло лишь на свежий воздух, на природу, и Коко охотно составляла ему компанию. Ее мать, например, носила только туфли на шпильках и с каждым годом выбирала все более высокие каблуки.

– Уже проснулись? – спросила Коко, убирая последние пакеты и с улыбкой оборачиваясь к Лесли.

– Глаз не сомкнул, – скорбно признался тот, и она удивилась:

– Это еще почему?

– Кое-кто опередил меня. – Лесли поманил ее, и не на шутку встревоженная Коко поднялась вслед за ним по лестнице. Может, Джейн пригласила еще кого-нибудь и новые гости заняли его комнату? Но едва очутившись на пороге спальни для гостей, Коко рассмеялась: на постели растянулся Джек. Оказалось, он занял кровать, пока Лесли был в душе. Положив голову на подушку и раскинув лапы, пес раскатисто храпел; Салли нигде не было видно, а Джек явно считал себя вправе здесь находиться. – Спорить с ним мне как-то не захотелось. Из любопытства я заглянул в вашу спальню и застал там другую собаку.

– Да, она моя, – с усмешкой объяснила Коко. – А этот пес, Джек, – местный властелин. Правда, сестра не пускает его на кровать, так что он отводит душу, пока я здесь. Этот мерзавец все понимает! – Коко подскочила, шлепком разбудила здорового пса и за лапы стянула с кровати. Столь бесцеремонно разбуженный, он с недовольным видом потрусил в хозяйскую спальню, к Салли. – Извините, – Коко виновато взглянула на Лесли, – вы, должно быть, измучились.

– Да ничего, вздремнул на диване. Но, честно говоря, предпочел бы настоящую кровать. Прошлую ночь я провел в машине. А позапрошлую прятался у одного из друзей. Лос-Анджелес слишком тесен для нас двоих. Она спятила. – Лесли дотронулся до синяка на щеке. – Миниатюрной ее не назовешь, да и рука тяжелая. Трюки в боевиках она выполняет сама. –

Коко знала, что бывшая подруга Лесли – известная персона, но поскольку ее имени он так и не назвал, прониклась к нему уважением. Он вел себя по-джентльменски. – Дом, где мы с ней жили, я снял полгода назад сроком на один год. Теперь, когда все утрясется, придется снова подыскивать жилье. Честно говоря, в такую передрыгу я попал впервые в жизни. – Лесли смущенно усмехнулся. – Меня еще никогда не били женщины. Мало того, она запустила в меня феном: еще немного – и прибила бы. А когда начала угрожать пистолетом, я понял, что пора удирать. Женщину с оружием в руках не вразумишь. Вообще-то я и не пытался. – Он улыбнулся, и Коко поняла, что он до сих пор не опомнился.

– Что ее так взбесило?

Жизнь Коко была бедна подобными событиями, которые она и вообразить толком не сумела бы. Йен мог претендовать на звание самого уравновешенного мужчины в мире, их споры всегда были краткими и заканчивались без оскорблений и травм. И даже до него отношения Коко с мужчинами заканчивались мирно. Но за годы работы отца со звездами она наслышалась ужасающих историй о маньяках, преследователях и психопатах.

– Сам не пойму, – ответил на вопрос Лесли. – Сначала она допытывалась, с кем из партнеров по фильму я встречаюсь, потом от ревности впала в бешенство, хотя я и уверял, что у меня, кроме нее, никого нет. Она все твердила, что я уже подыскал себе новую подругу, а потом совсем разошлась. С ней бывает такое, когда она выпьет лишнего. Но угрозы – это уж чересчур, мягко говоря. Она позвонила мне на мобильник и пообещала прикончить. Я повел. И покинул город.

– Тогда, наверное, вам стоит пробыть здесь подольше, одних выходных будет мало, – серьезно рассудила Коко, хотя ничего нового для себя о безумных нравах Голливуда и Лос-Анджелеса не узнала. Такой жизни она не желала – слишком высока цена славы. – Оружие и спиртное плохо сочетаются.

Лесли кивнул. Он сам еще не понял, чего хочет. Джейн он позвонил только потому, что она была знакома с его подругой, работала с ней и могла оценить степень ее помешательства и риск для него. Джейн посоветовала расстаться с Додж и на время переселиться в Сан-Франциско. В тот момент мысль показалась Лесли удачной. Встретиться со своей бывшей он ни в коем случае не хотел, а в Лос-Анджелесе столкновения были бы неизбежны. Вдобавок Джейн считала, что опасность он не преувеличивает, а преуменьшает.

– Со мной такого еще никогда не бывало, – со стыдом признался Лесли. – Я привык расставаться без скандалов, со своими прежними подругами до сих пор в хороших отношениях. Никому из них и в голову не приходило убить меня, по крайней мере насколько мне известно.

– А в полицию вы звонили?

Он покачал головой:

– Нельзя. Иначе вся эта история попадет в бульварные газеты, и тогда пиши пропало.

– Однажды, когда я была маленькой, сумасшедшая клиентка угрожала убить моего отца. Тогда папа позвонил в полицию, и к нему приставили круглосуточную охрану. Я узнала, что папу хочет убить актриса, и перепугалась. Несколько лет не могла избавиться от кошмаров, – призналась Коко.

– Но актриса, которая угрожала убить вашего отца, вряд ли состояла с ним в близких отношениях. Таблоиды падки на такие скандалы. А мне сомнительная слава не нужна. Сейчас я не снимаюсь. Хотелось бы на время залечь на дно, может, съездить на несколько месяцев в Нью-Йорк. Новая работа появится не раньше октября, так что время пока есть.

– Она наверняка разузнает, где вы. А моя сестра и Лиз вернутся месяцев через пять или через полгода. Пока не решите, как быть, живите здесь, а там, глядишь, и ваша бывшая утомится.

– Без лоботомии вряд ли. Надеюсь только на то, что у нее появится новый предмет одержимости. А пока я намерен затаиться, чтобы ей и в голову не пришло, что я здесь. В Сан-

Франциско я приехал впервые за двадцать лет. Мы с Джейн виделись только в Лос-Анджелесе, встречались на съемках.

Это Коко помнила, но никогда раньше не видела Лесли в кругу знакомых Джейн, хотя и знала, что они дружат.

– Здесь вам нечего бояться. Джек изгнан, постель свободна, ложитесь спать, – заключила она с дружеской улыбкой. Она видела, что он до сих пор не в себе после пережитого скандала.

Лесли поблагодарил ее за спасение, проводил до двери и прикрыл ее. Коко тоже закрылась в своей спальне. Обе собаки спали на ее кровати, Коко убавила громкость телевизора. Немного подремав, часов в восемь она спустилась на кухню что-нибудь перехватить и удовлетворилась суши с салатом. Лесли явился, когда она жевала и читала воскресную газету. Вид у него был заспанный, но отдохнувший. Он зевнул, потянулся и сел к столу. Оба походили на двух моряков, переживших кораблекрушение и выброшенных на необитаемый остров. В доме было тихо, воцарилась приятная, умиротворяющая атмосфера. Наступил вечер, но ни Лесли, ни Коко не тяготили планы и обязательства.

– Хотите? – Коко показала на блюдо с суши, Лесли кивнул, и она встала, чтобы достать новую порцию из холодильника. Он сразу вскочил, чтобы помочь ей.

– Обслуживать меня совсем не обязательно. Я здесь вообще незваный гость. Спасибо, что привезли еду. В следующий раз моя очередь набивать холодильник.

Они вели себя как соседи по дому – вежливо и предупредительно. Истинно английские манеры Лесли говорили о прекрасном воспитании. Он сам положил себе суши, а когда Коко поставила перед ним тарелку с салатом, учтиво поблагодарил ее.

– Вы ведь из Англии – откуда именно? – спросила она за ужином. Джек припелся к кухне, уселся у стола и с интересом наблюдал за обоими. Салли вернулась в спальню.

– Из городка неподалеку от Лондона. В Лондоне я впервые побывал только в двенадцать лет. Мой отец служил почтальоном, мама – медсестрой. Меня растили, как полагается в семьях среднего класса, жил я в самом обычном доме. Родители пришли в ужас, узнав о моей мечте быть актером, им явно было стыдно за меня, особенно поначалу. Отец хотел видеть меня банкиром, врачом, учителем. Но при виде крови я падал в обморок, преподавание считал занудством и потому начал брать уроки актерского мастерства и играть в постановках Шекспира. Это было душераздирающее зрелище! – Он усмехнулся. – Вкусный салат. А сиропа нет? – поддразнил он.

– Я купила про запас, – засмеялась Коко. – И вафли заодно.

– Блеск! Завтра приготовлю. А кем хотели стать в детстве вы? – с интересом спросил он.

– Сама не знаю. Просто я не хотела жить так, как родители. И не хотела снимать фильмы, как сестра, та своей мечтой нам все уши прожужжала. В каждое дело Джейн вкладывала душу, а меня ее увлечения почему-то не трогали. Писать я всегда терпеть не могла. Одно время мечтала быть актрисой, примерно минут пять. Но никаких способностей у меня нет. Когда-то я рисовала акварелью, но без особых успехов, так, малевала пляжные пейзажики, натюрморты, цветы в вазах. В колледже изучала историю искусств. Пожалуй, мне хотелось бы заниматься преподаванием или какой-нибудь научной работой. Но отец уговорил меня поступить в школу права. Он уверял, что это может стать удачным началом, чем бы я ни решила заняться потом – будь то бизнес или работа агента. Но мне не хотелось ни того ни другого, и школу права я сразу возненавидела. Преподаватели ко всем придирались, студенты оказались вредными. Все старались перешеголять друг друга буквально во всем. Два года учебы я провела в страхе и часто плакала. До смерти боялась, что меня выгонят за неуспеваемость, а потом отец умер, и я бросила учебу.

– И что же дальше?

– Вдохнула с облегчением. – Коко улыбнулась Лесли, глядя на него поверх стола. – В то время я жила с одним человеком, которого родители недолюбливали. Его тоже отчислили

из школы права, только в Австралии. Он любил природу, открыл школу дайвинга, потому мы и поселились на берегу, и я была счастлива, как никогда в жизни. Я подумала, что могла бы гулять с чужими собаками, и дело, как ни странно, пошло – эта работа помогла мне удержаться на плаву, я занимаюсь ею уже три года. Она создана прямо для меня. Живу я на берегу океана, и это меня вполне устраивает. Весь мой дом меньше этой кухни. Мама называет его лачугой, а я его люблю.

– А тот австралиец из школы дайвинга? – полюбопытствовал Лесли, приканчивая салат и не сводя глаз с собеседницы. Она выглядела вполне довольной и счастливой, кроме тех моментов, когда вспоминала о школе права. – Он по-прежнему с вами? – Лесли откинулся на спинку стула.

– Нет, – коротко ответила Коко.

– Жаль. Когда вы заговорили о нем, у вас засияли глаза.

– Это был замечательный человек. Мы прожили вместе два года, а потом он погиб по роковой случайности.

Услышав это, Лесли всмотрелся в лицо Коко: она казалась грустной, хотя и говорила спокойно. По-видимому, давно смирилась с утратой. Но ее признание ошеломило Лесли, вызвало сострадание. Правда, она на сочувствие вовсе не напрашивалась.

– Попал в аварию?

– Разбился на дельтаплане. Ветер бросил его на скалы, он упал. С тех пор прошло чуть меньше двух лет. Поначалу было очень трудно. Но так уж вышло. Нам просто не повезло. Мы собирались пожениться и уехать в Австралию. Думаю, мне бы там понравилось.

– Наверное, – кивнул Лесли. – Сидней очень похож на Сан-Франциско.

– Вот и он так говорил. Он оттуда родом. Мы так и не успели съездить в Австралию. Не судьба, – философски закончила она.

Лесли восхищенно молчал: плаксивая сентиментальность была чужда этой девушке.

– И замены ему до сих пор не нашлось? – Жизнь Коко вызывала у Лесли неподдельный интерес.

Она улыбнулась, все еще не веря, что напротив за кухонным столом Джейн сидит не кто-нибудь, а сам Лесли Бакстер. От невероятного стечения обстоятельств Коко разбирал смех. Лесли Бакстер расспрашивает ее о личной жизни. Кто бы мог подумать!

– Никакой, только напрасные свидания вслепую с жуткими занудами. Год назад я занималась поисками вплотную, только чтобы родные и друзья наконец отвязались. Но игра не стоила свеч, а может, просто я не была готова. Последние полгода не делаю никаких попыток. Трудно начинать все заново с новым партнером. Слишком уж хорошо мы ладили.

– Не верится, что с вами трудно ужиться, – деловым тоном заметил Лесли. – У меня когда-то была подруга, похожая на вас. Чудесная девушка. – Его взгляд стал мечтательным.

– И что же?..

– Я был молод и глуп, только начинал строить карьеру, хотел зацепиться в Голливуде и почаще сниматься. А она жила в Англии, мечтала выйти замуж, иметь детей. К тому времени как я признал за ней право жить так, как хочется, она махнула на меня рукой и вышла за другого. Меня она прождала три года – дольше, чем я в то время заслуживал. Теперь у нее пятеро детей, живет в Суссексе. Она хорошая. В моей жизни была еще одна славная женщина. Мы так и не поженились, но у нас есть дочь. Моника забеременела, когда наши отношения уже выдохлись, и решила оставить ребенка. Тогда эта затея не внушала мне ничего, кроме скептицизма. Но как выяснилось, Моника поступила правильно. Мы расстались, но дочь Хлоя мне дороже всех подарков судьбы.

– Где она сейчас? – поинтересовалась Коко. Лесли вел типичную жизнь голливудской звезды – его преследовали женщины, его грозили убить, его романы заканчивались расставаниями, ему родила ребенка женщина, на которой он так и не женился, и в то же время он

казался совершенно нормальным и вполне земным, а может, просто носил такую маску. Благодаря отцу за годы юности Коко повидала немало эксцентричных актеров. Некоторые из них поначалу производили впечатление нормальных, но оно оказывалось обманчивым. Рано или поздно выяснялось, что они такие же сумасшедшие и самовлюбленные, как их собратья по ремеслу. Отец часто предостерегал ее против отношений с актерами. Но Лесли не пугал Коко. Он казался искренним, по крайней мере пока, в нем не чувствовалось ни эгоцентризма, ни высокомерия, ни тщеславия. По-видимому, он умел признавать свои ошибки и ни на кого не собирался сваливать вину, если не считать недавнего скандала, в котором, если вдуматься, был совсем не виноват. Что поделать, если в мире так много безумцев, особенно в мире Лесли.

– Хлоя живет в Нью-Йорке со своей матерью, – сообщил Лесли. – Моника – драматическая актриса, играет в серьезных пьесах на Бродвее, вдобавок она на удивление заботливая мать. Оберегает Хлою от внимания публики, два-три раза в год малышка приезжает ко мне в гости, и я езжу к ней в Нью-Йорк при каждом удобном случае. Хлое шесть, она прелестна, как маленькая фея. – Рассказывая о своем ребенке, Лесли лучился гордостью. – Мы с матерью Хлои лучшие друзья. Порой я думаю, мог ли уцелеть наш брак, если бы мы все-таки поженились. Пожалуй, вряд ли. Моника слишком серьезна, даже замкнута. После того как мы расстались, она сошлась с одним женатым политиком. Об этой связи знали все, но огласки она так и не получила. Потом у нее было еще несколько романов с очень состоятельными и влиятельными мужчинами. Я, в то время еще юнец, быстро наскучил ей. Сейчас мне сорок один, и, кажется, я только-только начинаю взрослеть. Неловко признаваться, конечно, но, выходит, я переросток. По-моему, многим актерам свойственна незрелость. Мы избалованны.

Это откровенное признание тронуло Коко.

– Мне двадцать восемь, – застенчиво произнесла она, – а я до сих пор не знаю, кем хочу быть, когда вырасту. В детстве я лелеяла мечту стать индийской принцессой, а когда наконец поняла, что это неосуществимо, так и не нашла для себя другой такой же заманчивой цели. – На ее лице отразилось легкое разочарование, и Лесли рассмеялся. – Мне нравится жить так, как сейчас. Прогулки с чужими собаками меня пока устраивают. И хотя, с точки зрения моих родных, это бессмысленная трата времени, я всем довольна.

– Это самое главное, – кивнул он. – Но родные, видимо, не оставляют вас в покое?

Зная Джейн и мать сестер, Лесли не сомневался, что так оно и есть.

В ответ Коко рассмеялась:

– А вы как думали? Конечно, для них я жалкая неудачница и позор семьи. Все мои близкие сделали блестящую карьеру. Когда сестре было столько же лет, сколько мне сейчас, ее уже в первый раз номинировали на «Оскар». С тех пор как ей исполнилось тридцать, ее фильмы делают великолепные сборы. Мама чуть ли не с пеленок пишет бестселлеры. Отец сам основал агентство и представлял едва ли не всех самых известных звезд Голливуда. А я выгуливаю собак. Представляете, каково моим родным это терпеть? Мама вышла замуж в двадцать два, а в двадцать три родила первую дочь. Джейн и Лиз вместе с тех пор, как моей сестре минуло двадцать девять. А я рядом с ними чувствую себя пятнадцатилетней школьницей. И мне даже нет дела, пригласят меня на выпускной бал или нет. Я просто радуюсь тому, что живу у самого берега вместе с собакой. – Лесли не стал напоминать, что, если бы австралиец не погиб, сейчас она была бы замужем. Коко и сама прекрасно помнила об этом. – Я выросла в семье звезд, которые с раннего детства знали, чего хотят, и никогда не занижали планку. Ручаюсь, меня наверняка подменили при рождении. Наверное, где-то в мире есть прекрасная, самая обычная семья, которая живет себе в прибрежном поселке, думает, что выгуливать собак – отличная работа, а замуж спешить незачем. И этим милым людям достался ребенок, который метит в ядерные физики, нейрохирурги или голливудские агенты, и не поймешь, какая муха его укусила. А когда я оказываюсь в кругу родных или даже разговариваю с ними по телефону, я не понимаю, какая муха укусила меня.

Такой откровенности Коко не позволяла себе ни с кем, кроме Йена, тем более чуть ли не в первый день знакомства, да еще с кинозвездой, и немного встревожилась, вспомнив, что Лесли – друг Джейн. Он понял это по ее глазам.

– Поверьте, я не стану передавать этот разговор Джейн. Вам вовсе незачем тревожиться. Или он прочел ее мысли, или сумел ее понять.

– У нас просто нет ничего общего! – со слезами на глазах выпалила Коко, почувствовала себя глупо и застыдилась. – Мне так надоело выслушивать, что я все делаю неправильно и живу не так. Смешно, но им это лишь на пользу. У них сразу повышается чувство собственного достоинства, сестра вообще всю жизнь пользуется мной как прислугой. Будь у меня своя насыщенная жизнь, им было бы не так удобно. Джейн хорошая, я люблю ее, но слишком уж она на меня давит, – объяснила Коко, и Лесли кивнул:

– Понимаю. Может, стоило бы однажды сказать «нет»?

Коко снова рассмеялась и вытерла слезы подолом футболки. Лесли сделал вид, что не заметил промелькнувший розовый лифчик. Коко даже не подозревала, что продемонстрировала ему белье, – думая об этом, Лесли невольно улыбнулся. Во многом она была еще ребенком, этим и вызывала симпатию. В ней сочетались честность, непосредственность, доброта и мягкость.

– Всю свою жизнь я только и делаю, что пытаюсь сказать им «нет». Потому и переселилась в Болинас. По крайней мере теперь нас разделяет расстояние. Но, как видите, от обязанностей сторожа и собачьей няньки это меня не спасает.

– Когда-нибудь вы взбунтуетесь, да так, что сами удивитесь, – добродушно пообещал он. – Вы обязательно сделаете это, когда придет время. Знаете, отказать Джейн непросто, даже мне удастся не всегда. Она сильная натура, жесткая, властная и невероятно умная, и с ней приятно общаться. Лиз тоже незаурядная личность, но по характеру гораздо мягче. Рядом с ней и Джейн умеряет пыл или хотя бы пытается.

– Джейн унаследовала целеустремленность и прямолинейность нашего отца. А вот мама предпочитает добиваться своего, манипулируя людьми. И часто плачет. – Коко усмехнулась и посмотрела на собеседника. – Кажется, и я беру пример с нее. Извините. Не для того вы сюда приехали, чтобы выслушивать мои жалобы о бегстве из знаменитой голливудской семьи в сарай на берегу. Сказать по правде, это очень легкая жизнь.

– Вы вовсе не жаловались, – решительно возразил Лесли, – только опечалились, когда вспоминали своего друга-австралийца. Вам обоим можно посочувствовать. Но вы молоды, у вас еще вся жизнь впереди, вы успеете понять, чем хотите заниматься, и встретить родственную душу. А тем временем пусть все остается как есть, по-моему, эта жизнь вам по душе. Если честно, я вам завидую. Вы даже не представляете, как вам повезло. Чтобы быть счастливой, незачем добиваться одобрения родных. Мои родители до сих пор беспокоятся обо мне: думают, я так и останусь холостяком, и они, возможно, правы. Хлою они обожают, но хотели бы видеть меня женатым, с четырьмя детьми, живущим в Англии неподалеку от них, по их мнению, там мне самое место. Но это они так считают, а не я. Успех в Голливуде дорого обходится. В какой-то момент наконец понимаешь, что свернуть на верную дорогу можно и не успеть. Я убедился в этом на своем опыте.

– Пока что не все потеряно, – заверила его Коко. – Вы еще можете жениться и обзавестись хоть десятком детей... и наверняка сделаете это. Это никаким законом не запрещено.

– Если ты знаменит, все гораздо сложнее, – задумчиво откликнулся Лесли. – Те, кто подходит тебе, держатся настороженно, подозревая, что ты или человек со странностями, или в лучшем случае картежник. Если кто и тянется к тебе, то лишь чудачки, фанатки, которые сами слетаются, словно мотыльки на пламя, и по-настоящему опасные шизофренички вроде той, от которой я сбежал. Прославившись, сам себе напоминаешь маяк, который далеко виден в ночи. Тех, кто рвется на такой свет, я боюсь как чумы и стараюсь избегать. Но на этот раз

недоглядел. Поначалу моя бывшая ловко скрывала свои намерения, я считал ее искренней, милой девушкой и думал, что все сложится удачно, ведь и она довольно известна. Как я ошибался! Оказалось, в ней сочетается все, что мне ненавистно.

– Так попытайтесь снова, – с улыбкой посоветовала Коко и поднялась, чтобы убрать со стола. Она предложила гостю мороженого, а когда он охотно согласился, достала ему «Дав» из морозилки. Сегодня она купила полдюжины батончиков с разными вкусами, не зная точно, какие он предпочитает. В сущности, они едва знакомы, однако легко доверили друг другу самые сокровенные тайны.

– Порой мне надоедает пытаться вновь и вновь, – признался он. Со стекающей по подбородку струйкой мороженого он выглядел мальчишкой.

– И мне так казалось, когда мной манипулировали. Потому я и решила на какое-то время остановиться. Если уж чему-то суждено случиться, то оно произойдет само собой. А если нет, не очень-то и хотелось, – со смехом заключила Коко.

– Мисс Баррингтон, – официальным тоном произнес он, – позвольте заверить вас, что в двадцать восемь лет еще не все потеряно – в одиночестве вы точно не останетесь. Возможно, вам понадобится время, чтобы найти своего единственного. Но одно несомненно: мужчине, которому вы достанетесь, можно позавидовать. Обещаю вам, человек, предназначенный вам судьбой, непременно появится. Только наберитесь терпения.

Она улыбнулась:

– В таком случае я тоже заверяю вас, мистер Бакстер: ваша единственная обязательно найдется. Обещаю. Только наберитесь терпения, – эхом повторила она его слова. – Вы замечательный, и, если будете держаться подальше от шизофреничек, вам встретится та, которую вы ждете. Можете мне поверить! – Она протянула поверх стола тонкую руку, и он пожал ее. Разговор воодушевил обоих; кажется, встреча в доме Джейн оказалась большой удачей. Каждый считал, что обрел нового друга.

– Скажите, что обычно творится здесь в субботу вечером? – осведомился Лесли, и Коко рассмеялась.

– Ничего особенного. Местные жители идут куда-нибудь поужинать, но к десяти вечера улицы пустеют. Городок и вправду невелик – это вам не Нью-Йорк или Лос-Анджелес.

– В вашем возрасте в субботу вечером положено развлекаться вовсю, а не сидеть взаперти, в обществе такого старого пня, как я, – упрекнул Лесли, снова вызвав у нее взрыв смеха.

– Ну и ну! Я не просто сижу взаперти, а беседую с самой знаменитой кинозвездой мира в кухне моей сестры! За такую субботу любая женщина страны отдала бы правую руку! – восторженно заявила Коко. От такого поворота событий даже у нее кружилась голова: в мире родителей и сестры она не вращалась уже много лет. – Видели бы вы, как проходит субботний вечер в Болинсе, где я живу! В баре хорошо если наберется с десятков престарелых хиппи. Ближе к вечеру все расходится по домам, и я тоже – смотреть ваши фильмы. – Оба опять расхохотались.

Лесли помог Коко загрузить посуду в посудомоечную машину и выключить свет на нижнем этаже, а затем поднялся по лестнице вслед за ней. Собаки замыкали шествие, в присутствии бульмастифа Лесли заметно нервничал. Не столь громоздкая Салли казалась ему менее опасной. Джек в одну секунду мог бы сбить гостя с ног, хотя Коко знала, что такое псу и в голову не придет – он был гораздо покладистее Салли. Но весил больше Лесли.

Наверху лестницы они пожелали друг другу спокойной ночи. Лесли спросил, какие у Коко планы на завтра. Оказалось, никаких. По воскресеньям она не работала и подумывала съездить к себе домой на денек.

– И я не прочь увидеть прибрежный городок, где вы живете, – воодушевленно подхватил Лесли. – Это далеко?

– Меньше часа езды, – с улыбкой ответила Коко, которой тоже хотелось показать новому другу свой дом.

– Хочу увидеть дом, который вы называете сараем, и пройтись по пляжу. Ничто так не восстанавливает душевное спокойствие, как океан. У меня когда-то был дом в Малибу, до сих пор жалею, что продал его. Может, стоило бы завтра вместе съездить в Болинас, – добавил он, зевая украдкой. Только теперь, немного успокоившись и придя в себя, он понял, насколько устал. – Завтра утром я приготовлю вам вафли, – пообещал он и поцеловал Коко в щеку. – Спасибо, что сегодня выслушали меня.

Он уже успел привязаться к ней, честной, порядочной и ничего от него не ждущей – ни славы, ни состояния, ни рекламы, ни даже приглашения на ужин. Рядом с ней Лесли чувствовал себя на удивление уютно, даром что познакомились они совсем недавно. Почему-то он сразу понял, что Коко можно доверять, а она, в свою очередь, доверилась ему.

Войдя в спальню, он услышал сигнал мобильного. Определитель номера не сработал, но Лесли был почти уверен, что ему досаждают звонками все та же сумасшедшая стерва. Он включил голосовую почту и спустя минуту получил сообщение с очередными угрозами. Признать свое поражение она не желала. Лесли стер сообщение, не отвечая. Он закрыл дверь, разделся и нырнул под одеяло. Долгое время лежал, думая о Коко и вспоминая сегодняшний разговор. Ее откровенность и честность Лесли воспринял с радостью. Он тоже старался быть откровенным с Коко, и кажется, ему это удалось... Мысли его стали разбредаться, он погасил свет, но уснуть так и не смог.

Час спустя Лесли решил спуститься на кухню за стаканом молока и заметил свет в спальне Коко. Негромко постучав, Лесли хотел спросить, не захватить ли ей чего-нибудь, а она разрешила ему зайти. Коко в выцветшей фланелевой пижаме лежала в постели между двух собак и смотрела фильм. Мельком взглянув на экран, Лесли увидел на нем собственное лицо – это было все равно что смотреться в гигантское зеркало. От неожиданности он замер, а Коко, застигнутая за просмотром фильма, смутилась.

– Извините, – робко, совсем по-детски проговорила она, – это мой любимый фильм.

Лесли улыбнулся: эти слова из уст женщины, которая успела понравиться ему за один день, прозвучали как комплимент. Коко вовсе не пыталась польстить ему. Если бы он не вошел, то даже не узнал бы, что она смотрит его фильмы.

– Этот мне тоже нравится, хотя, по-моему, я в нем ужасен, – небрежным тоном признался он и усмехнулся. – Я иду вниз. Вам ничего не нужно?

– Нет, спасибо.

С его стороны было очень любезно подумать и о ней. В суперсовременном доме Джейн оба чувствовали себя детьми, оставшимися у друзей с ночевкой. Свою одежду Коко просто бросала на пол – ей казалось, что так в комнате становится уютнее. От стерильности, которая царил в доме в присутствии Джейн, веяло холодом. Коко считала, что легкий беспорядок придает комнате жилой вид, хотя и знала, что сестра иного мнения.

– До завтра. Приятного просмотра, – пожелал ей Лесли, закрыл за собой дверь и направился за молоком, а заодно и за мороженым. Он надеялся, что и Коко не выдержит и спустится составить ему компанию, но она, видимо, слишком увлеклась фильмом. Допив молоко и выбросив обертку от мороженого, Лесли вернулся наверх. На этот раз сон сморил его в считанные минуты и не прерывался до самого утра. Казалось, все его тревоги остались позади, в Лос-Анджелесе, и он обрел здесь именно то, чего так не хватало, – тихую, безопасную гавань. Мало того, в этом мирном уголке ему посчастливилось найти настоящую жемчужину – женщину, рядом с которой он чувствовал себя спокойно и непринужденно. Такого с ним не случалось с тех пор, как он покинул Англию и отправился в Голливуд. Скрываясь от прошлого в чужом доме в Сан-Франциско, Лесли знал: пока рядом эта смешная девчонка и два больших пса, его не коснутся никакие беды.

Глава 4

Наступил еще один чудесный солнечный день. Было тепло, сияла небесная лазурь. Лесли спустился в кухню раньше Коко и успел поджарить бекон вдобавок к вафлям. Налив себе стакан апельсинового сока, он включил чайник, чтобы заварить чай обоим. За этим занятием его застала Коко, только что выпустившая собак в сад. После завтрака она пообещала устроить им длинную прогулку.

– М-м, как вкусно пахнет!

Лесли подал Коко чашку зеленого чая, который отыскал в кухонном шкафу. Себе он заварил «Английский завтрак» без молока и сахара, а через минуту поставил на стол перед Коко тарелку с вафлями. Бутылка сиропа насмешила обоих, напомнив, в каком хаосе недавно оказался Лесли на кухне.

– Спасибо за завтрак, – вежливо произнесла Коко, дождавшись, когда Лесли со своей тарелкой, полной вафель и бекона, сядет напротив.

– Пока не знаю, можно ли доверить вам кухню, – пошутил Лесли и обернулся к окну во всю стену, обращенному к заливу. – Ну что, едем сегодня на берег? – спросил он, следя за тем, как подтягиваются к старту гонки парусные яхты. По заливу постоянно сновали суда в бесчисленном множестве.

– А вы правда хотите? – осторожно уточнила Коко. – Если нет, я и сама съезжу. Мне надо только забрать кое-какие вещи да проверить почту.

– Можно и мне с вами? – Лесли вовсе не хотел злоупотреблять добротой Коко и становиться для нее помехой. Вероятно, у нее намечены дела, а может, она просто хочет побыть в тишине и одиночестве у себя дома. Или провести друзей.

– Конечно, я буду только рада, – честно призналась она. Какими опасностями может грозить ей день, проведенный в Болинасе вместе с Лесли Бакстером? – Мне хочется показать вам место, где я живу. Это просто смешная деревушка, но там здорово. – И она объяснила, что, поскольку на шоссе нет никаких указателей, в Болинасе редко появляются приезжие.

Час спустя они оба в джинсах, футболках и шлепанцах погрузились в фургон вместе с собаками. Коко предупредила, что, если к вечеру ляжет туман, будет прохладно, поэтому не помешает прихватить свитер. Но ничто не предвещало туманный вечер, когда они спустились по Диви-садеро к Ломбар-стрит и под небесной синью влились в поток машин, направляющихся на север, к мосту «Золотые Ворота». В машине сама собой завязалась увлекательная беседа: Лесли рассказывал о своем детстве, проведенном в Англии, и признавался, что порой скучает по ней. Когда он приезжает на родину, все вокруг кажется ему другим, непривычным. Даже люди относятся к нему иначе теперь, когда он стал знаменитостью. Несмотря на все заверения, что он все тот же Лесли, давние знакомые принимают его как важного гостя, а он вовсе не чувствует себя особенным.

– Расскажите про Хлою, – попросила Коко, когда мост остался позади и дорога начала подниматься к «радужному туннелю» в Марине.

– Она прелесть! – просияв, откликнулся Лесли. – Жаль, что я не могу чаще видеться с ней. Хлоя – умница, ее все любят. Она очень похожа на мать. – Эти слова он произнес с глубоким чувством не только к ребенку, но и к женщине, которая когда-то была его подругой. – Когда приедем в Болинас, я покажу вам ее фото. – Лесли всегда возил их с собой в бумажнике. – Хлоя хочет, когда вырастет, стать балериной или водителем грузовика, видимо, думает, что это взаимозаменяемые и в равной мере интересные профессии. Говорит, что водители повсюду возят разные разности, а это, по ее мнению, ужасно интересно. Хлоя занимается всем, чем только можно, – французским, компьютером, музыкой, балетом. – О дочери Лесли рассказывал с гордостью и радостью. Его отношения с девочкой и ее матерью всегда складыва-

лись легко, они ничего не скрывали друг от друга. – Недавно у Моники появился близкий друг с серьезными намерениями, и я уже думал, что они поженятся. И даже слегка встревожился: он итальянец, а ездить во Флоренцию было бы сложнее, чем в Нью-Йорк. Когда они расстались, я вздохнул с облегчением, хотя и понимал, что Моника имеет право на личную жизнь. Честно говоря, я ревновал ее друга к Хлое: он виделся с ней чаще, чем я. Насколько мне известно, сейчас у Моники никого нет, – заключил он, когда машина свернула к Стинсон-Бич и покатила через холмы городка Милл-Вэлли.

– А вы могли бы вернуться к ней ради Хлои? – спросила Коко.

Лесли покачал головой:

– Не смог бы, да и она тоже была бы против. Все давно в прошлом, обратной дороги нет. Слишком много времени прошло, еще больше утекло воды. Между нами все было кончено еще до рождения Хлои. Ее появление стало и чудом, и случайностью. Хлоя – лучшее, что с нами произошло. Благодаря ей наше знакомство обрело смысл.

– А я даже представить себе не могу, что у меня будут дети, – чистосердечно призналась Коко, – по крайней мере, пока не могу. – И даже когда был жив Йен, она чувствовала себя слишком молодой, чтобы обзаводиться семьей, пусть и с любимым человеком. – Может, после тридцати, – неопределенно заключила она, продолжая вести машину. Лесли с удовольствием смотрел, как старая колымага послушно вписывается в повороты дороги. Машина кряхтела, фыркала, скрипела на разные лады, но тем не менее катилась резво. Лесли упомянул, что ему нравится водить машины и копаться в моторах, – эту мальчишескую страсть он так и не перерос. Крутые повороты дороги, повторяющей очертания прибрежных скал, Коко преодолевала с изумляющей ее спутника легкостью. Она казалась ему собранной, невозмутимой и, что бы там ни думали ее мать и сестра, умело управляла собственной жизнью. Лесли считал, что родные Коко заблуждаются. Чем ближе оказывался берег и Болинас, тем радостнее становилась улыбка Коко.

– Вас не укачало? – спохватилась она и с тревогой взглянула на пассажира.

– Еще нет. Замутит – скажу.

Погода была дивной, пейзаж – потрясающим. Собаки посапывали сзади. После двадцати минут крутых поворотов дорога начала спускаться к Стинсон-Бич. Полдюжины лавчонок прилепились там и сям по обе стороны дороги. Галерея искусств, книжный магазин, два рестораника, продуктовый, сувенирный...

– Похоже, это одно из потерянных чудес света! – воскликнул Лесли, с изумлением разглядывая городок, при виде которого напрашивался эпитет «оригинальный». Через два квартала городской центр кончился, потянулись узкие улочки между ветхих строений.

– Вон там охраняемый коттеджный поселок. – Коко указала куда-то вдаль, в сторону лагуны. – Справа птичий заповедник, уголок совершенно нетронутой природы. – Она радостно улыбнулась. – Погодите, вот увидите Болинас! Он существует словно вне времени и выглядит гораздо менее цивилизованно, чем эти кварталы.

Лесли проникся естественной, простой красотой местного пейзажа. Городок вовсе не был похож на курорт, казалось, он отделен от очагов цивилизации миллионами миль. Теперь Лесли понимал, почему Коко поселилась здесь. Когда они свернули на дорогу без указателей, Лесли стало легко и спокойно, словно запросто можно было сбросить груз повседневных забот, явившись сюда. Даже тряская дорога не прогоняла ощущение умиротворенности.

Спустя десять минут Коко свернула на неприметную дорогу и взобралась по ней на маленькое плато. Здешние дома напоминали старые фермы, среди кряжистых деревьев виднелась церквушка.

– Сначала я покажу вам поселок, – сообщила она и тут же рассмеялась. – Нет, поселок – громко сказано. Он даже меньше, чем Стинсон-Бич. Пляж у нас здесь так себе, дикий, зато никогда не бывает наплыва туристов. Слишком уж трудно найти это место и добраться до него.

Они миновали неказистый ресторан, продуктовый магазин, лавку для поклонников марихуаны и магазин одежды с батиком в витрине. Лесли с улыбкой оглядывался по сторонам.

– Это оно и есть? – Увиденное явно забавляло его. Магазины были крошечными, из другой эпохи, но вокруг них на ухоженных улицах все цвело и зеленело. Высокие, крепкие старые деревья росли на пригорке над морем. В целом пейзаж напоминал деревенский, а не прибрежный.

– Да, – подтвердила Коко. – Понадобится трубка или косячок – загляните вон туда. – Она указала на марихуанную лавку.

Лесли хмыкнул:

– Пожалуй, для разнообразия сегодня обойдусь.

Скопление лавчонок осталось позади, Коко вывернула на улицу, по обе стороны которой тянулись ограды из штукетника, кое-где попадались почтовые ящики старого образца, изредка – чугунные ворота.

– Здесь есть несколько на редкость живописных домов, но просто так их не найдешь, а местные жители берегут свою тайну. Большинство здешних домов – просто коттеджи или старые серферские хибарки. В прежние времена многие хиппи жили в школьных автобусах чуть ли не на самом берегу. Сейчас поселок выглядит чуть цивилизованнее, но ненамного. – На лице ее отразилось умиротворение. Как приятно вернуться домой!

Коко припарковала машину, выпустила собак, и они последовали за ней и Лесли к калитке из посеребривших досок. Йен сам скотил ее. Отперев входную дверь, Коко вошла в дом, Лесли осторожно шагнул за ней и осмотрелся. Из гостиной открывался великолепный вид на океан, хотя оконные рамы были стары, а сами окна невелики, не то что гигантские «витрины» от пола до потолка в городском доме Джейн. Этот дом был построен не напоказ, а просто как удобное жилье. Жилище Коко напоминало кукольный домик. На полу были сложены стопками книги, на столе – старые журналы, в углу мольберт с рисунком акварелью, угол шторы обвис: петли соскочили с крючков. Но, несмотря на уютный беспорядок – следствие одинокой жизни, в этом доме хотелось задержаться, он производил впечатление давно и прочно обжитого. Судя по виду камина, им пользовались каждый вечер.

– Места здесь маловато, но я люблю свой дом, – весело объявила Коко. Стены украшали акварели в рамках, каминную полку – снимки самой хозяйки и Йена. Фотографий было много, в том числе и на полках плотно забитого книгами стеллажа. В открытую дверь виднелась кухня, чистая, хоть и не стерильная, а за гостиной – крошечная спальня с кроватью, застеленной уютным пухлым одеялом и еще одним, стеганым лоскутным, которое Коко отыскала на «гаражной» распродаже.

– Он прекрасен! – отозвался Лесли, блестя глазами. – И никакая это не лачуга, а самый настоящий дом!

Атмосфера здесь была в тысячу раз приятнее и теплее, чем в элегантных апартаментах Джейн, и Лесли сразу понял, почему Коко предпочитает жить в этом доме. Рассмотрев снимок, на котором улыбались юные и счастливые Йен и Коко в гидрокостюмах, Лесли вышел вслед за хозяйкой на террасу. Отсюда открывался роскошный вид на океан, пляж и город вдалеке.

– Если бы я поселился здесь, то навсегда, – сказал Лесли, не кривя душой.

– А я и не уезжаю отсюда никуда, разве что по работе. – Коко улыбнулась. Этот дом не имел ни малейшего сходства с особняком в Бель-Эйр, где она выросла, но ни о чем другом Коко не мечтала. Объяснять это гостю не пришлось: он все понял сам, глядя на нее с ласковой улыбкой. Коко только что показала ему свое святилище, свой тайный сад. Побывать в ее доме было все равно что заглянуть в глубину ее души.

– Спасибо, что привезли меня сюда, – негромко произнес Лесли. – Для меня это честь.

На террасу взбежали собаки, уже успевшие вывалиться в песок. За ошейник Джека зацепилась ветка с листьями. Большой пес, похоже, был в восторге, как и Салли; Коко и Лесли с улыбкой переглянулись.

– А вам спасибо за то, что поняли, как много значит этот дом для меня. Когда я переселилась сюда, мои родные решили, что я спятила. Таким людям ничего не объяснишь.

Лесли вдруг понял, что гадают, где жила бы сейчас Коко, если бы не смерть Йена, – здесь или где-нибудь в Австралии, и подумал, что даже в Австралии ее дом скорее всего был бы похож на этот. Коко отчаянно стремилась оторваться от своих корней, навязанных ей ценностей, ловушек чуждого мира. Ее приезд сюда был своеобразным бунтом, таким способом Коко пыталась показать, что отрицает фальшь, одержимость материальными благами, жестокую конкуренцию, готовность ради карьеры идти по головам.

– Хотите чаю? – предложила она, когда Лесли устроился в выцветшем шезлонге.

– Не откажусь. – Он взглянул на старинную статуэтку Гуаньинь, подаренную Йеном. – Богиня милосердия... – тихо заметил он, когда через несколько минут Коко подала ему чашку чаю и села в соседний шезлонг. – Она напоминает мне вас. Вы добрая, хорошая женщина, Коко. Я видел снимки вашего друга – он, похоже, был славным и порядочным.

Йен был рослым симпатичным блондином, на снимках пара выглядела радостной и беззаботной. Разглядывая их, Лесли вдруг почувствовал укол зависти: за всю жизнь он ни разу не был так счастлив, как эти двое.

– Он был хороший. – Посмотрев вдаль, на океан, Коко повернулась к Лесли и улыбнулась. – Все, чего я хочу от жизни, – быть здесь. Видеть этот берег, вести тихую и мирную жизнь, каждое утро встречать восход на этой террасе, по вечерам греться у камина. Кроме всего этого, моей собаки, книг, знакомых соседей, мне больше ничего не нужно. Из этих частей складывается мир, созданный для меня. Может, когда-нибудь мне и захочется чего-нибудь нового, но не теперь.

– Думаете, вы когда-нибудь вернетесь в большой, «настоящий» мир? Или скорее «ненастоящий», где вы жили раньше?

– Надеюсь, до этого не дойдет, – твердо ответила Коко. – С какой стати? Все, что в нем есть, казалось мне лишенным смысла даже в детстве.

Коко закрыла глаза и подставила лицо солнцу. Лесли внимательно наблюдал за ней. Ее волосы полыхали начищенной медью, у ног разлеглись обе собаки. К такой жизни, к отсутствию сложностей и фальши нетрудно привыкнуть. Но Лесли понимал, что с ней неразрывно связано одиночество. Это жизнь без близких людей и без прочных чувств. С другой стороны, еще неизвестно, кому из них стоит посочувствовать: он, Лесли, прячется от женщины, которая угрожала ему убийством. Безусловно, его действия имеют смысл. Лесли очень понравился этот дом, но вот смог бы он жить здесь или нет? Коко была тринадцатью годами моложе его, а нашла себя раньше, чем он. Лесли до сих пор искал, хотя с годами начал лучше понимать, к чему стремиться. Точнее, знал, чего определенно не хочет. Коко просто быстрее разобралась в себе.

– Честно говоря... – заговорил он и усмехнулся. Коко открыла глаза и повернулась к нему. Сосредоточенная, цельная, умиротворенная, она казалась глотком чистой воды из горного ручья. – Не представляю здесь вашу сестру.

Коко засмеялась.

– Этот дом она ненавидит. Лиззи относится к нему терпимее, но дом явно не в ее вкусе. Обе они истинные горожанки. Джейн считает Сан-Франциско деревней. Думаю, обе предпочли бы Лос-Анджелес, если бы не их обожаемый дом, к тому же Лиззи утверждает, что здесь ей легче пишется – не на что отвлекаться.

Лесли кивнул:

– Я хорошо помню, как познакомился с Джейн. Таких женщин я раньше никогда не встречал. Ей было лет двадцать пять, при виде ее захватывало дух. Как и теперь. Целый год продол-

жалась моя влюбленность, мы часто встречались, а она по-прежнему относилась ко мне просто как к другу. Я долго не мог понять, что я делаю не так. Наконец я совсем потерял голову и однажды вечером, после ужина, поцеловал ее. Джейн посмотрела на меня как на помешанного и объяснила, что она предпочитает женщин. По ее словам, она всеми способами давала мне понять это, время от времени даже одевалась как мужчина, когда мы куда-нибудь шли вдвоем. Но я считал, что это просто эксцентричные выходки, лишь подчеркивающие ее сексуальность. Когда все прояснилось, я почувствовал себя безнадежным болваном, но мы остались друзьями. Лиз тоже мне нравится. Они идеальная пара: под влиянием Лиз за эти годы Джейн заметно смягчилась.

– Верится с трудом, – заметила Коко. – Жесткости в ней и сейчас предостаточно. По крайней мере когда она общается со мной. На ее взгляд, меня не переделаешь, я никогда не оправдаю ее надежд. Не очень-то и хотелось.

Выход был очевиден – прекратить бесплодные попытки, но Коко лучше, чем кто-либо другой, знала, что к этому пока не готова. Она до сих пор добивалась одобрения сестры, хотя и жила в Болинасе.

– Вероятно, она желает вам только добра и беспокоится за вас, – разумно предположил Лесли.

Оба прихлебывали остывающий чай. Коко не сводила глаз с океана.

– Вполне возможно. Но не все способны быть такими, как она. Я и пытаться не хочу, поэтому двинулась в противоположном направлении. Подальше от всех и вся. Мама тоже меня не понимает. Просто я не такая, как они. И всегда была не такой.

– По-моему, в этом нет ничего плохого, – примирительно отозвался Лесли, поудобнее устраиваясь в шезлонге.

– И я так думаю. Но большинство людей это пугает. Они считают, что все должны быть одинаковыми, и потому мирятся с жизнью и ценностями, которые им не подходят. Жизнь моих близких не годилась для меня, даже когда я была ребенком.

– У Хлои я замечаю подобные порывы даже сейчас. – Голос Лесли стал задумчивым. – В отличие от своей матери и меня, она не хочет быть актрисой – лучше водить грузовик. Видимо, таким способом девочка заявляет: она личность, такая, как есть, а не такая, как мы. С ее желаниями придется считаться.

– Мои родители никогда не считались. Наоборот, даже не сомневались, что со временем я перерасту свои желания. Если вы способны уважать желания дочери уже сейчас, когда ей всего шесть, значит, на родительском поприще вы преуспели. – Задумавшись об этом, Коко улыбнулась. – Мама хотела, чтобы мы обе появились на балу дебютанток. К тому времени Джейн уже заявила о своей ориентации и включилась в борьбу за права сексуальных меньшинств. Мама почти сразу отстала от нее, очевидно, побоялась, как бы Джейн не явилась на бал не в платье, а в смокинге. Зато одиннадцать лет спустя мама не отставала от меня, а я сказала, что лучше ледоруб в печенке, чем выезд на бал. Я была убеждена, что вся эта затея пропитана снобизмом и в корне неверна, что это пережиток прошлого, что на такие балы ездят лишь для того, чтобы найти мужа. В тот год на Рождество я укатила в Южную Африку, где помогала прокладывать канализацию в маленькой деревушке – на мой взгляд, это увлекательнее любого котильона. Мама долго бушевала, а потом полгода не разговаривала со мной. Отец был гораздо терпимее, но даже он не простил мне отчисления из школы права. По-видимому, у родителей имелись свои представления о нашем будущем. Джейн не вписывалась в них, но на это смотрели сквозь пальцы, потому что она добилась громкого успеха, а для родителей это всегда было мерилом всех достоинств. А меня слава никогда не прельщала и не будет прельщать, – заявила она так уверенно, что Лесли испытал невольное восхищение.

– Ваши близкие в конце концов ко всему привыкнут, – мягко пообещал Лесли, хотя после рассказов Коко уже начинал в этом сомневаться. И убедился, что она не из тех, кто будет всеми

силами оправдывать чужие ожидания, даже если считает их ошибочными. Она верна себе и никогда не изменит своим убеждениям. Эта ее черта пробудила в Лесли глубокое уважение. – Кстати, мне нравится ваша акварель на мольберте. Смотрится умиротворяюще.

– Я редко рисую, – объяснила Коко. – А рисунки обычно раздариваю. Для меня это просто отдых, хобби, чтобы расслабиться.

Лесли получил очередное подтверждение, что его собеседница разносторонне талантлива, и порадовался за нее, мысленно пожелав скорее найти себя. Признаться, он завидовал ее свободному поиску. Порой он страшно уставал лицедействовать и чувствовал, как осточертело ему все это безумие.

Некоторое время они сидели молча, думая каждый о своем, пока наконец Лесли не задремал. Коко унесла обе чашки в дом и упаковала вещи, которые решила взять с собой в город, а когда вернулась на террасу, оказалось, что ее гость уже не спит.

– Здесь кто-нибудь купается? – спросил он, кивнув на берег. Солнце разморило его, он выглядел сонным и ленивым.

– Бывает. – Она улыбнулась. – Иногда акулы нападают на купающихся у самого берега, поэтому не всякий рискует войти в воду, а она здесь холодная. Купаться лучше в гидрокостюме. Кстати, если надумаете, у меня как раз есть гидрокостюм вашего размера.

Йен был ростом с Лесли, только шире в плечах и спортивнее. Его старые гидрокостюмы Коко по-прежнему хранила в гараже вместе с дайверским снаряжением. Она подумывала отдать их, но так и не собралась. Вещи Йена приглушали одиночество и тоску, казалось, что он не умер, а надолго уехал, но когда-нибудь обязательно вернется.

– Нет уж, с меня хватит предупреждения, что здесь водятся акулы, – усмехнулся Лесли. – Я большой трус и не боюсь признаться в этом. Однажды на съемках мне пришлось плавать в кадре вместе с акулой. Конечно, ее выдрессировали и вдобавок накачали транквилизаторами. Но я все равно предпочел, чтобы дублер снимался вместо меня во всех рискованных сценах. Кроме постельных – для таких съемок я давно уже как следует выдрессирован и даже не нуждаюсь в успокоительном.

Его шутка насмешила Коко.

– Вообще-то и меня смелой не назовешь, – призналась она так смущенно, что Лесли поспешил воскликнуть:

– Вы серьезно? По-моему, если кто здесь и смел, так это вы! И это не напрасный риск, а умение смело принимать важные решения. Вы отвергли традиции своей семьи, выступили против целой системы. По сути дела, вы просто вышли из игры и сделали это храбро, с достоинством. Несмотря на все давление со стороны близких, вы поступили так, как считали нужным, и не изменили себе. Вы потеряли любимого, но не захлебываетесь жалостью к себе – вы продолжаете жить. Вы остались здесь, живете одна в странном крошечном поселке. Не страшитесь одинокой жизни, не боитесь оставаться наедине с собой. Вы сами придумали себе работу, которая вас полностью устраивает, хоть и оскорбляет чувства ваших родных. На все это нужна смелость. Только тот, кто смел, решается стать не таким, как все, Коко. А вы сумели, не ударив в грязь лицом. Я преклоняюсь перед вами.

Его слова казались Коко музыкой, она с благодарностью выслушала это признание, отметив, что об ошибках Лесли ни словом не упомянул. Он высоко оценил принятые ею решения и выбранную жизнь. Коко расцвела застенчивой улыбкой.

– Спасибо. И я преклоняюсь перед вами, Лесли. Вы не боитесь признавать свои ошибки и говорить о них. Для знаменитости, да еще из мира кино, вы на диво скромны. Этот мир мог превратить вас в наглого подонка, но вы сумели остаться настоящим, несмотря ни на что.

– Если бы не сумел, от меня отреклись бы родные, – честно объяснил он. – Может, только потому я и остался верен себе. Мне приходилось встречаться с ними и быть собой. Приятно чувствовать себя кинозвездой и видеть, как все вокруг готовы расшибиться в лепешку, лишь

бы угодить тебе. Но в конечном счете ты всего лишь человек – хороший, плохой... Неловко видеть, как в моем бизнесе люди ставят себя в дурацкое положение, а таких, поверьте, масса. И когда я наблюдаю за собой, чаще всего замечаю не удачи, а ошибки. Может, в каком-то смысле, – добавил он, без тени усмешки глядя на Коко, – врожденная неуверенность в себе – благо. – После этих слов она засмеялась. – Но в вас я не заметил неуверенности.

– Ее сколько угодно, просто я слишком упряма. – Коко вздохнула. – Я все время пытаюсь понять, кто я и чем хочу заниматься. Мне известно, каким путем я пришла к тому, что имею сейчас, и почему. Но выяснить, в какую сторону меня тянет теперь, пока не удастся. Может, вообще не придется что-то менять – я еще не решила.

– Со временем разберетесь. По крайней мере сейчас у вас богатый выбор. Перед вами открыты все двери.

– Мне больше по душе те, в которые я уже входила. Вот только пока не знаю, какую хочу открыть следующей.

– Все мы временами испытываем подобное чувство, а глядя на окружающих, думаем, что уж они-то наверняка знают все ответы. Однако они просто делают вид. Им известно не больше, чем нам. Или же их мирок тесен и замкнут. В этом случае им легче. Но если манит большой мир, это и увлекательно, и порой чертовски страшно. – Эти слова он произнес совсем просто, не боясь выказать страх и неуверенность.

– Да, – согласилась Коко, – страшно. А вы? Что вы намерены делать дальше? Найти новый дом и вернуться в Лос-Анджелес?

И начать все сначала, с новой женщиной? Этот вопрос она оставила при себе, однако он вертелся в голове у обоих. Коко задумалась: интересно, сколько раз можно начинать заново, знакомиться с людьми, с кем-то сближаться, давать судьбе шанс, стремиться вперед, а потом разочаровываться и расставаться? Рано или поздно это занятие должно наскучить. Даже двух чудесных лет, проведенных с Йеном, ей хватило, чтобы до сих пор не собраться с силами для очередной попытки. Может, ей труднее просто потому, что их отношения с Йеном были идеальными? А если раз за разом выбираешь не ту женщину, на сколько неудачных попыток хватит духу? Коко могла лишь предполагать, сколько распавшихся романов осталось у Лесли в прошлом. В сорок один год создание новых отношений наверняка стало для него давно опостылевшей игрой. Именно об этом он думал, когда она решила задать вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.